

З-268.

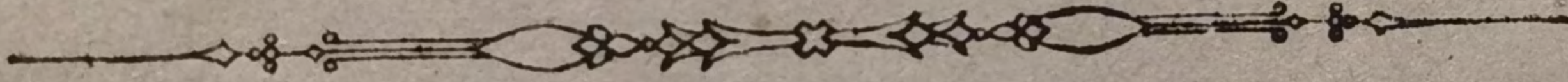
ОТЧЕТЪ И РѢЧЬ,

За 1894г.

ЧИТАННЫЕ НА ГОДИЧНОМЪ АКТѢ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМИРА

17 января 1895 года.

637

590/161

КІЕВЪ,
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
В. І. Завадзкаго, Больш.-Васильковская, д. №№ 29—31.
1895.

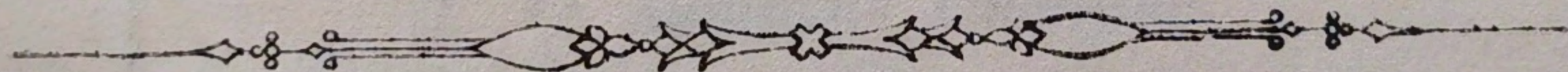
18.269.2.22-1895.

ОТЧЕТЪ И РѢЧЬ,

ЧИТАННЫЕ НА ГОДИЧНОМЪ АКТѢ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМИРА

17 января 1895 года.

КІЕВЪ,

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра

В. І. Завадзкаго, Больш.-Васильковская, д. №№ 29—31.

1895.

ОТДЕЛЪ № 544Р

ИМПЕРАТОРСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ СВ. ВЛАДИМИРА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМИРА

ВЪ 1885 ГОДУ

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.

Печатано по опредѣлеию Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета св. Владиміра въ 1894 году.

Императорскій университетъ св. Владиміра, открывая настоящимъ торжественнымъ собраніемъ свою дѣятельность въ наступившемъ году, имѣетъ честь, согласно установившемуся обычаю, представить важнѣйшія свѣдѣнія о состояніи дѣятельности его въ минувшемъ 1894 году. Свѣдѣнія эти, главнымъ образомъ, относятся: 1) къ личному составу университета и ученой дѣятельности его членовъ, 2) къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и 3) къ личному составу учащихся и ихъ научнымъ занятіямъ.

I. О личномъ составѣ.

Вспоминая о понесенныхъ въ минувшемъ году утрахъ въ личномъ составѣ, университетъ св. Владиміра прежде всего считаетъ своимъ долгомъ благоговѣнно почтить память умершихъ своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, глубоко скорбя о несвоевременныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, глубоко скорбя о несвоевременномъ прекращеніи ихъ ученой плодотворной дѣятельности. Въ 1894 году скончались почетные члены университета: профессоръ Берлинскаго университета Германъ фонъ-Гельмгольцъ, директоръ физическаго института при томъ-же университетѣ профессоръ Августъ Кундтъ, профессоръ Вѣнскаго университета Теодоръ Билльротъ, профессоръ Юрьевскаго университета Карлъ Шмидтъ, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ Александръ Теодоровичъ Миддендорфъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета Пафнуцій Львовичъ Чебышевъ; изъ среды-же дѣйствительныхъ членовъ университетскаго сословія въ минувшемъ году скончались: заслуженный профессоръ Вла-

диміръ Алексѣевичъ Бецъ и ординарные профессора: Иванъ Ѳедоровичъ Шмальгаузенъ и Александръ Павловичъ Эльтековъ.

Въ 1894 году наука понесла незамѣнимую потерю въ лицѣ берлинскихъ академикомъ и профессоромъ Германа фонъ-Гельмгольца, скончавшагося 27 августа, и Августа Кундта, скончавшагося 21 мая по н. с.

Гельмгольтцъ, семидесятилѣтній юбилей рожденія котораго такъ торжественно и съ такимъ энтузіазмомъ праздновалъ весь ученый и образованный міръ 2 ноября н. с. 1891 года, принадлежалъ къ избраннѣйшимъ натурамъ человечества, былъ и останется лучшимъ его украшеніемъ. Высокія и разнообразныя дарованія которыми надѣлила его природа, уже въ ранней молодости получили надлежащее развитіе, благодаря превосходной школѣ и личному вліянію его любимаго учителя, знаменитаго фізіолога Іоганна Мюллера. Въ 1842 г. Гельмгольтцъ, всего 21 года отъ роду, выступилъ уже съ первымъ ученымъ трудомъ, медицинскою докторскою диссертациею: „De fabrica systematis nervosi evertibratorum“. За нимъ послѣдовали многіе другіе, которые доставили Гельмгольтцу при жизни славу, а теперь безсмертіе. Эти труды касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ человѣческаго знанія, ибо Гельмгольтцъ былъ и врачъ, и фізіологъ, и физикъ, и механикъ, и математикъ; онъ былъ превосходный теоретикъ, терпѣливый и искусный экспериментаторъ; онъ отдыхалъ, изучая и читая философовъ, а слушая музыку любимаго Бетховена, вдохновлялся для своихъ неподобныхъ изслѣдованій въ области слуховыхъ ощущеній. Благодаря такому исключительному совмѣстительству талантовъ и необыкновенному трудолюбію, Гельмгольтцъ быстро занялъ сначала почетное мѣсто профессора фізіологіи въ Кенигсбергѣ (1859 г.), а затѣмъ все болѣе и болѣе почетныя мѣста: профессора фізіологіи и анатоміи въ Боннѣ (1855 г.), профессора фізіологіи въ Гейдельбергѣ (1858 г.), профессора физики въ Берлинѣ (1871 г.), предсѣдателя государственнаго техническаго учрежденія, члена всѣхъ выдающихся европейскихъ и американскихъ академій. Труды его приобрѣли всемірную извѣстность исвоею совокупностью, относясь къ самымъ разнообразнымъ отдѣламъ математики и естествознанія, утвердили за нимъ безспорное право названія гениа человѣчества; онъ умеръ среди такого всеобщаго признанія его заслугъ, его имя окружено такою славою, какія выпали на долю очень немногихъ смертныхъ.

Августъ Кундтъ занималъ послѣ Гельмгольца первое мѣсто среди германскихъ физиковъ; когда въ 1888 году престарѣлый Гельмгольцъ отказался отъ директорства и чтенія лекцій въ физическомъ институтѣ при Берлинскомъ университетѣ, то выборъ палъ на Кундта, какъ самаго достойнаго. Кундтъ получилъ очень лестное наслѣдство: онъ становился замѣстителемъ Гельмгольца, бывшаго тогда уже въ апогеѣ своей славы. Кундтъ принадлежалъ къ числу превосходно одаренныхъ натуръ и уже въ ранней молодости обращалъ на себя вниманіе физиковъ, какъ чрезвычайно искусный экспериментаторъ, который никогда не отступалъ передъ разъ намѣченной цѣлью. Онъ оставилъ послѣ себя троякаго рода наслѣдство: обширный рядъ мемуаровъ по разнымъ областямъ физики, превосходно выстроенный по его плану физическій институтъ при Страсбургскомъ университетѣ, въ которомъ онъ провелъ лучшую пору своей жизни, и многочисленный рядъ учениковъ, которыхъ онъ успѣлъ сформировать.

6 февраля 1894 года скончался въ Абаціи почетный членъ университета св. Владиміра, профессоръ Вѣнскаго университета Билльротъ.

Сынъ пастора, Теодоръ Билльротъ родился 26 апрѣля 1829 года въ Бергенѣ, въ 1860 году занялъ кафедру хирургіи въ Цюрихскомъ университетѣ, и съ этого времени собственно начинается блестящая дѣятельность Билльрота. Изъ ряда работъ, напечатанныхъ имъ за время пребыванія въ Цюрихѣ, особенно выдается его знаменитая „Общая хирургическая патологія и терапія“. Это образцовое, какъ по содержанию, такъ и по изложенію, сочиненіе выдержало 15 изданій и переведено на 10 языковъ; на немъ воспиталось нѣсколько поколѣній врачей; оно сдѣлало извѣстнымъ имя Билльрота на всемъ земномъ шарѣ. Въ 1867 году Билльротъ былъ приглашенъ занять кафедру хирургіи въ Вѣнскомъ университетѣ. Здѣсь дѣятельность Билльрота развернулась еще шире какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Изданія клиническихъ отчетовъ, затѣмъ капитальный трудъ въ сообществѣ сначала съ профессоромъ Ritha и затѣмъ съ профессоромъ Lücke по изданію сборника по хирургіи: „Deutsche Chirurgie“, не говоря уже о другихъ работахъ, обезсмертили въ наукѣ имя Билльрота; не менѣе славно его имя и какъ оператора-техника. Онъ открылъ для хирургіи новые области и пути; онъ создалъ хирургию желудочно-кишечнаго канала. Также знаменито имя Билльрота

и какъ педагога. Въ его клинику стекались для занятій врачи всѣхъ странъ, и въ области педагогіи онъ оставилъ крупный трудъ: „о преподаваніи и изученіи медицины“, сочиненіе, вызывающее удивленіе по глубинѣ изложенныхъ въ немъ мыслей и по обилію культурно-историческихъ данныхъ. Къ заслугамъ Билльрота, какъ ученаго, какъ педагога, нужно присоединить еще его филантропическую дѣятельность. Онъ устраиваетъ санитарный павильонъ на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 году, участвуетъ въ международной санитарной конференціи; не щадитъ ни труда, ни личныхъ средствъ для основанія образцоваго учрежденія съ цѣлью обученія сестеръ милосердія, издаетъ книгу по уходу за больными и ранеными, наконецъ, по введеніи малокалибернаго оружія въ войскахъ, послѣ цѣлой серіи опытовъ съ нимъ, онъ произноситъ въ палатѣ свою знаменитую рѣчь о военномъ бюджетѣ и о мѣрахъ по облегченію страданій воиновъ. Можно безошибочно сказать, что со смертію Билльрота человѣчество потеряло не только величайшаго хирурга нашего времени, но и одного изъ самыхъ выдающихся людей вообще.

Карль Шмидтъ, вопреки распространенному между нѣмецкими учеными обычаю перехода изъ одного университета въ другой, всю свою жизнь до самой смерти посвятилъ своему родному Дерптскому, нынѣ Юрьевскому, университету въ качествѣ профессора, сначала по кафедрѣ фізіологической химіи, а съ 1852 г.—по кафедрѣ общей химіи. Вся жизнь Шмидта прошла въ непрерывныхъ плодотворныхъ трудахъ преподавателя и ученаго. Какъ преподаватель, онъ, помимо чтенія лекцій, руководилъ занятіями многихъ лицъ, производящихъ тѣ или другія изслѣдованія; какъ ученый, онъ оставилъ послѣ себя болѣе 100 работъ, посвященныхъ общей, фізіологической и прикладной химіи, одинаково цѣнныхъ какъ по глубинѣ и оригинальности мысли, такъ и по техническому исполненію. Особенно крупный слѣдъ оставили работы Шмидта изъ области фізіологической химіи. Эта наука смѣло можетъ назвать Шмидта однимъ изъ творцовъ своихъ, такъ какъ его труды значительно способствовали ей, сравнительно юной, возмужать и занять прочное и почетное мѣсто въ ряду другихъ отраслей біологіи.

Александръ Федоровичъ Миддендорфъ, скончавшійся 16 февраля прошлаго года, состоялъ сперва адъюнктомъ, а потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи въ университетѣ св. Вла-

димира въ первые годы существованія нашего университета, съ 1839 и по 1842 г. Уже въ 1840 году онъ принялъ участіе въ ученой экспедиціи академика Бэра въ Лапландію, а скоро затѣмъ оставилъ навсегда педагогическую дѣятельность, занявшись снаряженіемъ новой обширной экспедиціи, предпринятой имъ въ 1843—44 годахъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, для естественно-историческаго изслѣдованія сѣверной и восточной Сибири. Богатый матеріаль данныхъ и коллекцій, вывезенный Миддендорфомъ изъ Сибири и разработанный имъ совмѣстно съ нѣкоторыми другими учеными, послужилъ основаніемъ для обширнаго и весьма цѣннаго въ научномъ отношеніи труда его: „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“, независимо отъ длиннаго ряда ученыхъ статей. Миддендорфъ былъ избранъ въ члены Императорской Академіи Наукъ, но состояніе здоровья, растроеннаго тяжелыми трудностями путешествія въ негостепріимныхъ сѣверныхъ странахъ, заставило его уже въ 1865 году отказаться отъ должности академика. Удостоенный званія почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ, Миддендорфъ, проживая по своемъ имѣніи въ Лифляндіи, посвятилъ себя сельскому хозяйству и научной разработкѣ относящихся къ нему вопросовъ, въ особенности по отдѣлу скотоводства. При этомъ онъ неоднократно съ успѣхомъ для дѣла и съ пользой для науки исполнялъ почетныя порученія, возлагаемыя на него правительствомъ. Такъ, онъ сопровождалъ Великихъ Князей: Владиміра Александровича въ путешествіяхъ по Россіи и Сибири и Алексія Александровича — на Новую Землю и по Исландіи, а въ 1878 году совершилъ продолжительное путешествіе въ Ферганскую область, результатомъ котораго явилось обширное сочиненіе („Einblicke in das Ferghana-Thal 1880“), познакомившее насъ не только съ географическими и естественно-историческимъ условіями Ферганской долины, но и съ ея земледѣліемъ и скотоводствомъ. Имя Александра Ѳедоровича Миддендорфа всегда останется памятнымъ въ славной плеядѣ изслѣдователей нашего обширнаго отечества.

26 ноября 1894 года, на 74-мъ году, скончался П. Л. Чебышевъ, почетный членъ университета св. Владиміра, членъ Академіи Наукъ по прикладной математикѣ, членъ Парижскаго института. Пафнутій Львовичъ рано обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими изслѣдованіями въ области математики. Его мемуары: „О среднихъ величинахъ“, „О функціяхъ, наименѣе уклоняющихся отъ нуля“, „Объ

интерполированіи“, „О приближенномъ вычисленіи интеграловъ“, „Объ интегралахъ, содержащихъ квадратные и кубическіе радикалы“ всегда останутся предметомъ удивленія потомковъ. Нѣкоторые изъ этихъ мемуаровъ отличаются изяществомъ изложенія; въ другихъ Пафнудій Львовичъ излагаетъ новые методы и съ успѣхомъ примѣняетъ ихъ къ рѣшенію такихъ вопросовъ, которые прежде казались неразрѣшимыми. Ученики П. Л. Чебышева, давшіе дальнѣйше развитіе его идеямъ, образовали особую русскую школу, труды которой занимаютъ видное мѣсто въ міровой наукѣ.

Въ минувшемъ году, 30 сентября, смерть отняла у насъ дѣйствительнаго члена нашего университета, заслуженнаго ординарнаго профессора В. А. Беца.

Происходя изъ потомственныхъ дворянъ Полтавской губ., покойный В. А. Бецъ среднее образованіе получилъ сначала въ Нѣжинской, а затѣмъ въ Кіевской 2-й гимназіи, и высшее—въ университетѣ св. Владиміра, слѣдовательно и по рожденію, и по воспитанію особенно близокъ былъ нашему университету, которому онъ и посвятилъ всю свою жизнь, всю свою ученую дѣятельность.

Отличаясь подвижностью и остротою ума, привыкнувъ къ точнымъ наблюденіямъ и строгому ихъ анализу въ такихъ лабораторіяхъ, каковы были лабораторіи Брюкке, Людвига, Бунзена, Келликера, Кирхгофа и Гельмгольца, въ которыхъ В. А. Бецъ занимался по окончаніи своего университетскаго курса, онъ направилъ свои силы къ одной изъ самыхъ трудныхъ областей анатоміи,—къ области макро и микроскопическихъ изслѣдованій мозга. Чтобы ясно показать, сколько В. А. Бецъ сдѣлалъ въ вопросѣ о строеніи мозга, достаточно привести слова знаменитаго анатома Іосифа Гиртля изъ его доклада международной комиссіи экспертовъ вѣнской всемірной выставки: „Ich muss es sagen das kein Anatom die Kenntniss des Gehirnbaues in solcher Weise gefördert hat wie Herr Professor Betz“.

Въ технику приготовленія препаратовъ В. А. Бецъ самостоятельно достигъ выдающагося успѣха: онъ придумалъ прекрасный способъ оплотнять мозгъ путемъ іодированія послѣдняго,—способъ, равнаго которому и въ настоящее время другого нѣтъ по той интактности тканей, какая достигается при уплотненіи цѣльнаго человеческого мозга этимъ путемъ; онъ придумалъ приготовленіе раствора кармина, дающаго лучшую окраску, чѣмъ всѣ другіе карминные рас-

творы; онъ широко примѣнилъ выработанный имъ способъ приготовленія гипсовыхъ слѣпковъ съ натуральныхъ препаратовъ мозга. Эти принадлежащіе В. А. Бецу оригинальные методы обработки анатомическаго матеріала дали ему возможность приготовить громадную коллекцію препаратовъ и слѣпковъ, которые и были своевременно по достоинству оцѣнены и награждены медалями на вѣнской и петербургской выставкахъ. Свою программу, какъ ученаго и преподавателя В. А. Бецъ высказалъ 22 сентября 1870 года во „Вступительной лекціи по анатоміи“, въ которой онъ указалъ, что анатоміи, разъ она возводится на степень науки, „предстоитъ еще изслѣдованіе невѣдомыхъ странъ по невѣдомымъ путямъ, начертываемымъ природою въ исторіи развитія каждаго человѣческаго организма“ (стр. 20). Этой программы покойный В. А. Бецъ постоянно держался въ своей научной дѣятельности, какъ она и оказалась въ его громадной коллекціи препаратовъ мозга, въ составъ которой вошли объекты какъ антогенетическаго, такъ и филогенетическаго развитія; она-же сказалась и въ наиболѣе капитальныхъ печатныхъ трудахъ его: „Къ топографіи и анатоміи человѣческаго мозга“ и „Морфологія остеогенеза“. Во всѣхъ его печатныхъ трудахъ, между которыми къ наиболѣе капитальнымъ принадлежатъ его работы, постоянно сказывается остроуміе, которымъ такъ сильно отличался покойный В. А. Бецъ, широта его научнаго взгляда и въ то-же время осторожность въ выводахъ.

Въ истекшемъ году физико-математическій факультетъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося ординарнаго профессора по кафедрѣ ботаники И. Ѳ. Шмальгаузена. Покойный былъ выдающимся систематикомъ и все время службы въ нашемъ университетѣ посвятилъ главнымъ образомъ на изученіе растительности южной и юго-западной Россіи. Заслуги покойнаго въ этой области дѣйствительно велики, и благодаря имъ имя Шмальгаузена займетъ въ исторіи русской ботаники одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Уже 6 лѣтъ спустя послѣ назначенія на службу въ нашъ университетъ покойный издалъ большое сочиненіе подъ заглавіемъ „Флора юго-западной Россіи“, гдѣ на основаніи уже имѣвшагося и вновь добытаго матеріала систематически описалъ высшія растенія губерній нашего края и отчасти прилегающихъ. Распространяя затѣмъ постепенно свои флористическія изслѣдованія на мѣстности все болѣе отдаленныя, покойный обработалъ и новое сочиненіе: „Флора средней и южной Россіи, Крыма и

сѣвернаго Кавказа“. Этотъ огромный трудъ, равнаго которому по объему со времени Ледебура не было до сихъ поръ въ русской ботанической литературѣ, авторъ оставилъ въ рукописи совершенно готовымъ, и въ настоящее время онъ находится въ печати. Но эти труды еще не восполняли всего времени этого неутомимаго ученаго. Покойный Шмальгаузенъ былъ почти единственнымъ въ настоящее время въ Россіи фито-палеонтологомъ. Къ нему присылались геологами для изслѣдованія растительныя окаменѣлости изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и цѣлый рядъ обширныхъ палеонтологическихъ мемуаровъ остается памятникомъ научной дѣятельности покойнаго и въ этой области знаній. Указанныя заслуги оставили покойнаго Шмальгаузена въ числѣ выдающихся русскихъ ученыхъ, и имя его останется навсегда украшеніемъ въ исторіи русской науки вообще и нашего университета въ частности.

7 іюля 1894 года на южномъ берегу Крима скончался отъ чахотки ординарный профессоръ нашего университета по кафедрѣ химіи А. П. Эльтековъ, въ лицѣ котораго нашъ университетъ лишился выдающагося ученаго, составившаго себѣ громкую извѣстность замѣчательно оригинальными и тщательно обработанными изслѣдованіями въ области органической химіи. Покойный воспитанникъ Харьковскаго университета и ученикъ профессора Н. Н. Бекетова, нынѣ ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ—по окончаніи университетскаго образованія въ 1868 году, въ теченіи 8 лѣтъ (до 1876 года), состоялъ при химической лабораторіи Харьковскаго университета сначала въ качествѣ лаборанта, а затѣмъ—стипендіата для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Къ этому періоду времени относятся лишь только двѣ работы покойнаго, напечатанныя въ журналѣ Русскаго физико-химическаго общества.

Необыкновенно энергичную, можно сказать лихорадочную, дѣятельность покойный Эльтековъ обнаружилъ въ теченіе слѣдующаго за симъ семилѣтія (съ 1877 г. по 1884 г.). Въ этотъ періодъ времени имъ произведенъ былъ въ лабораторіи Харьковскаго университета длинный рядъ обширныхъ изслѣдованій въ области органической химіи, относящихся главнымъ образомъ къ углеводородамъ этиленоваго ряда, ихъ окисямъ и многимъ другимъ производнымъ.

Въ 1884 году А. П. Эльтековъ, по выдержаніи магистерскаго испытанія, представилъ въ физико-математическій факультетъ Харьков-

скаго университета диссертацию на степень магистра химіи, подъ заглавіемъ: „Матеріалы по вопросу о молекулярныхъ перемѣщеніяхъ между углеводородами ряда этилена и между предѣльными спиртами“. Во вниманіе къ выдающимся научнымъ достоинствамъ этой работы Харьковскій университетъ, въ силу ст. 27, пар. II, пн. 5 университетскаго устава, удостоилъ Эльтекова степени доктора химіи.

Это былъ первый примѣръ примѣненія выше названной статьи новаго устава, предоставляющей университетамъ право присуждать за представленныя диссертациі въ особо уважительныхъ случаяхъ прямо степень доктора, минуя магистерскую степень.

Профессоромъ нашего университета А. П. Эльтековъ назначенъ былъ въ сентябрѣ 1889 года. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ вскорѣ подвергся тяжкому и продолжительному недугу (брюшной тифъ), оправившись отъ котораго онъ приступилъ, съ свойственной ему энергіей, къ чтенію лекцій и руководству практическими занятіями студентовъ въ лабораторіи; но уже черезъ два года послѣ этого у него начали появляться признаки новаго тяжкаго недуга—болѣзни гортани, отъ котораго онъ сталъ терять голосъ, но все-таки продолжалъ чтеніе лекцій до января 1894 года. Съ наступленіемъ теплыхъ дней въ апрѣлѣ мѣсяцѣ покойный, получивъ пособіе отъ университета, отправился въ Ялту, но лѣченіе въ южномъ климатѣ уже не принесло пользы; онъ скончался 7 іюля, совершенно одинокій, вдали отъ своего семейства и товарищей.

Миръ праху талантливаго ученаго, неутомимаго труженика, составившаго себѣ громкую извѣстность одного изъ выдающихся современныхъ химиковъ, не выходя за предѣлы своего родного университета, въ которомъ онъ получилъ образованіе.

Помянувъ добрымъ словомъ умершихъ, перейдемъ къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ, послѣдовавшимъ въ истекшемъ году въ личномъ составѣ университета св. Владиміра.

Совѣтъ университета въ истекшемъ году, во вниманіе къ просвѣщенной дѣятельности, единогласно избралъ въ почетные члены университета св. Владиміра профессора королевскаго соединеннаго Фридрихова университета въ Галле-Виттенбергѣ Эдгара Ленинга.

По Высочайшему соизволенію ординарный профессоръ университета св. Владиміра П. П. Цитовичъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ.

Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія ординарный профессоръ **Ө. Я. Фортинскій** вновь назначенъ ректоромъ университета св. Владимира на слѣдующее четырехлѣтіе.

Ординарные профессора **Т. Д. Флоринскій**, **Н. В. Бобрецькій** и заслуженный ординарный профессоръ **Э. Г. Гейбель** вновь утверждены деканами на слѣдующее четырехлѣтіе—первый по историко-филологическому, второй по физико-математическому и третій по медицинскому факультетамъ.

Ординарные профессора **Ю. А. Кулаковскій**, **Л. Н. Казанцевъ** и **П. И. Морозовъ** вновь утверждены секретарями на слѣдующее четырехлѣтіе: 1-й по историко-филологическому, 2-й по юридическому и 3-й по медицинскому факультетамъ.

Ординарный профессоръ по кафедрѣ ботаники **О. В. Баранецкій**, за выслугою 25-лѣтняго срока по учебной части, на основаніи 104 ст. устава университетовъ, оставленъ на дальнѣйшей службѣ по занимаемой кафедрѣ.

Экстра-ординарный профессоръ по кафедрѣ фармаціи **Т. И. Лоначевскій-Петруняка** по выслугѣ 35-ти лѣтъ оставленъ на дальнѣйшей службѣ.

Возведены въ ординарные профессора: по кафедрѣ государственнаго права **С. А. Егіазаровъ**, по кафедрѣ чистой математики **П. М. Покровскій** и по кафедрѣ химіи **С. Н. Реформатскій**.

Назначены: экстра-ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскаго права экстра-ординарный профессоръ Юрьевскаго университета **А. М. Гуляевъ** и и. д. экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ ботаники приватъ-доцентъ **С.** - Петербургскаго университета **Навашинъ**.

Зачислены приватъ-доцентами: по предмету ученія о душевныхъ болѣзняхъ докторъ-медицины **В. Г. Киселевъ**, по предмету ученія о душевныхъ и нервныхъ болѣзняхъ докторъ медицины **К. Леплинскій**, по предмету акушерства и гинекологіи докторъ медицины **М. А. Воскресенскій**, по предмету судебной медицины докторъ медицины **И. И. Кіяницынъ**, по предмету десмургіи съ ученіемъ о переломахъ и вывихахъ докторъ медицины **М. Г. Черняховскій**, по предмету дерматологіи и сифилидологіи докторъ медицины **В. К. Боровскій**.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лица В. А. Удинцовъ перемѣщенъ въ университетъ св. Владиміра приватъ-доцентомъ по вакантной каѳедрѣ торговаго права.

Къ 1 января 1895 года въ университетѣ св. Владиміра состоитъ: штатныхъ ординарныхъ профессоровъ 44, сверхштатныхъ 11, экстраординарныхъ 20, приватъ-доцентовъ 40, прозекторовъ 5, лекторовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, помощниковъ прозекторовъ 8, лаборантовъ, ординаторовъ клиникъ, консерваторовъ и другихъ лицъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ 50 и, наконецъ, лицъ, занимающихъ должности по административной части 30, а всего 212 лицъ

Изъ всего числа каѳедръ, положенныхъ по уставу, 1884 года, въ университетѣ св. Владиміра не имѣли въ 1894 году штатныхъ преподавателей слѣдующія: богословія, географіи и этнографіи, астрономіи, торговаго права, энциклопедіи права и фармаціи и фармакогнозіи. За исключеніемъ лишь каѳедры географіи и этнографіи, всѣ перечисленные выше каѳедры считаются вакантными за выслугою 30-тилѣтняго срока службы профессорамъ, ихъ занимавшими; въ дѣйствительности-же преподаваніе по нимъ производилось въ полномъ объемѣ тѣми-же профессорамъ, оставленными на службѣ въ университетѣ на основаніи 105 ст. устава университетовъ, а по каѳедрѣ торговаго права—замѣщающимъ оную приватъ-доцентомъ.

Для приготовленія къ профессорскому званію при университетѣ состояло въ истекшемъ году 16 стипендіатовъ, а именно: на историко-филологическомъ 2, физико-математическомъ 3, юридическомъ 8, медицинскомъ 3. Изъ нихъ на счетъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 4, на счетъ спеціальныхъ средствъ университета 4 и своеюштныхъ 8.

Ученая дѣятельность университета св. Владиміра, независимо отъ участія профессоровъ и преподавателей его въ засѣданіяхъ различнаго рода ученыхъ обществъ, выразилась въ истекшемъ году въ сочиненіяхъ и статьяхъ ученаго содержанія, напечатанныхъ отдѣльными книгами или въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ.

а) По историко-филологическому факультету.

1) Въ минувшемъ 1894 году напечатали свои труды нижеслѣдующіе профессора и преподаватели: по историко-филологическому фа-

культету орд. профес. Т. Д. Флоринскій: 1) Лекціи по славянскому языкованію, первая часть. Введение, Югозападные славянскіе языки в. 1894 г.; 2) Новѣйшіе труды по изученію южно-славянской старины и народности (библіограф. статья въ Универ. Извѣстіяхъ).

2) Орд. профес. В. Б. Антоновичъ напечаталъ томъ актовъ Архива юго-западной Россіи (Часть III, т. IV).

3) Орд. профес. И. В. Лучицкій: 1) Очерки по экономической исторіи в. Европы; а) Вопросъ о населенности германскихъ городовъ XIV и XV вв. Кіевъ, 1893; б) Рабочее население и экономическая политика городовъ в. XIV и XV вв. Кіевъ, 1894; в) разборъ книги В. Minzes, *die Nationalgüterveräußerung während der Revolution*, въ *Revue Historique*, № 1, 1894 г.; д) Проповѣдникъ религиозной терпимости въ XVI в. въ журналѣ „Русское Богатство“ 1894 № 7 и 8; е) нѣсколько замѣтокъ и документовъ въ „Кіевской Старинѣ“; ф) Географическій очеркъ Испаніи въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза; г) Обзоръ работъ по исторіи Россіи въ *Jahresberichte für h. Wissenschaften* за 1893 г., *Jastrow'a*.

4) Ординарный профессоръ Ю. А. Кулаковскій: рецензія на „Очеркъ римскихъ древностей“ *Нетушила*, Жур. Мин. Нар. Просв. 1894, августъ, и нѣсколько критическихъ отзывовъ въ „Филологическомъ Обозрѣніи“. „Christliche Grabkammer aus dem Jahre 491 in Kertsch“ въ журналѣ „Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde. 1894. №№ 1—2, 3—4.

5) Ординарный профессоръ П. В. Владиміровъ: 1, Слово о Полку Игоревѣ (въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1894 г.) и отдѣльно; 2, Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV—XVI вв. (въ Читеніяхъ Общества Нестора Лѣтописца, VIII в.; 3, Библиотека Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря (Библіографъ, 1894 г.); 4, составилъ по порученію Императорской Академіи Наукъ, — разборъ сочиненія А. В. Лонгинова „Историческое изслѣдованіе Слова о полку Игоревѣ, представленнаго на Пушкинскія преміи.

6) Ординарный профессоръ І. А. Лециусъ: рецензію на изданіе Демосѣена Добіаша, Юнашева, Бѣлорусова (Филологическое Обозрѣніе).

7) Ординарный профессоръ Н. П. Дашкевичъ составилъ, по порученію Император. Академіи Наукъ, разборъ монографіи В. Ф. Миллера: „Экскурсы въ область русскаго былеваго эпоса“.

8) Экстра-ординарный профессоръ А. Н. Гиляровъ: 1, „Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккаччю, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ съ точки зрѣнія ученія о поэзіи, какъ выраженіи вселенскаго Логоса“, въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1894 г. и отдѣльной книгой; 2, рецензіи въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“: *Girard. La Transmigration des âmes et l'évolution indéfinie de la vie au sein de l'Univers. Paris, 1892. Riddles of the Sphinx. A study in the philosophy of Evolution, by a Troglodyte. Lond. 1891. Petavel-Oliff. Le problème de l'immortalité, 2 vol. Paris, 1891—1892. Souriau. La suggestion dans l'Art. Paris 1893. W. Pater. Plato and platonism, a series of Lectures. Lond. and New-York, 1893. A. Chuquet. J. J. Rousseau. Paris, 1893. L. Lyon La Philosophie de Hobbes (Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris, 1893). C. M. Williams. A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution. Lond. 1893. L. Milhaud. Leçons sur les origines de la science grecque. Paris, 1893.*

9) Экстра-ординарный профессоръ А. И. Сонни: 1, Neue Sprichwörter der Römer въ Archiv f. latein. Lexicographie, т. VIII кн. 4. 2, Zu den Sprichwörtern und sprichwörtlichen Redensarten der Römers, тамъ-же т. IX кн. 1. 3, Ad Dionem Chrysostomum въ Griechische Studien Н. Lipsius dargebracht. Leipzig 1894. 4, Къ вопросу о культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря (Филолог. Обзорѣніе т. V кн. 1.). 5, Замѣтки къ нѣкоторымъ греческимъ и латинскимъ текстамъ, тамъ-же, т. V, кн. 1 и VI, кн. 2. 6, Das Todesjahr der Psellos und die Abfassungszeit der Dioptra, Byzantinische Zeitschrifte III³/7, реценію на Dionis Chrysostomi opera ed. Н. de Arnim въ Wochenschrift für klass. Philologie 1894 №№ 11 и 12.

10) Экстра-ординарный профессоръ С. Т. Голубевъ напечаталъ: 1) изслѣдованіе о Лиѳосѣ съ присовокупленіемъ самаго памятника и собственоручныхъ отношеній къ нему Кассіяна Соковича (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. IV); 2) брошюру: *Объяснительный параграфъ по исторіи западно-русской церкви* (Кіевъ, 1894 г.); 3) официальный отзывъ о сочиненіи г. Эйнгорна „О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ (въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Истор. и древностей, 1894 г. и отдѣльно).

11) Приватъ-доцентъ В. И. Петръ: 1, Etymologica (consul=сѡсѣдъ θεός=доухъ) въ Отчетѣ Кіево-Печерской гимназіи за 1893 г.

12) Приватъ-доцентъ Г. Г. Павлукій: критическую статью: Оедотовъ и Гогартъ, въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1894 года.

13) П. В. Голубовскій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ I главу „Исторіи Смоленской земли до начала XV ст.“; печатаніе продолжается.

14) Приватъ-доцентъ Г. И. Челпановъ двѣ статьи: „Очерки изъ психологіи слѣпыхъ, Журналъ „Міръ Божій“ 1894 г. №№ 1 и 2-й. Библиографическія замѣтки въ журналѣ Вопросы Философіи и Психологіи, по поводу *Wundts Vorlesungen über die Menschen u. Thierseele*, Циннъ. *Физиологическая Психологія*—*Zeitschrift für Psych. u. Phys. d. Sinnesorg.* V. V въ № 21. *Külpe. Grundriss der Psychologie* въ № 22; *Zeitschrift Psych. etc.* .V. VII и *Wundt Ueber psychische Causalität und das Princip des psychophysischen Parallelismus.* въ № 25.

15) Приватъ-доцентъ А. Н. Грентъ: въ газетѣ „Кавказъ“ въ концѣ іюля и въ августѣ 1894 г.: 1, „Эпоха царицы Тамары на Кавказѣ“; 2, Іездеджердъ II и Армяне въ эпоху борьбы зороастризма съ христіанскою вѣрою; 3, „Пѣсни любви на Востокѣ и ихъ связь съ древнимъ культомъ Афродиты“.

16) Приватъ-доцентъ В. К. Пискорскій: „Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіев. Университета“ въ Кіевской Старинѣ въ мартѣ 1894; рядъ статей въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Ефрона (на буква И. К.) „Очерки по исторіи Западной Европы, Кіевъ, 1894 (пробная и вступительная лекція).“

б) Физико-математическій факультетъ.

17) Экстра-ординарный профессоръ М. Θ. Хандриковъ напечаталъ въ *Astronomische Nachrichten* наблюденіе кометы 1892 года, произведенныя большимъ рефракторомъ обсерваторіи. Напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ Московскаго Математическаго Общества статью „Одно изъ рѣшеній геодезическаго вопроса“.

18) Ординарный профессоръ Н. А. Бунге: 1, Анализъ газовъ по способу Бунзена-Дойера. Кіевъ, 1894; 2, Курсъ химической технологіи, вып. I. Кіевъ, 1894.

19) Ординарный профессор Н. Н. Шиллеръ: 1) О вариации электро-статистического потенциала журн. Р. Ф. Х. О. 1894 вып. 6. Унив. Изв. 1894; 2) Ueber die aus der Variation electrostatischer Energie abgeleiteten electrischen Kräfte. Wied. Ann. B. 53; 3) Ueber die durch einen äusseren Druck verursachte isothermische Aenderung der Spannkraft gesättigten Dampfer. Wied. Ann. B. 53; 4) О вліянніи ея пара на упругость этого послѣдняго. Труды Физич. Отд. Общ. Люб. Ест. 1894; 5) Къ вопросу о термодинамическомъ потенциалѣ. Труды Физич. Отд. Общ. Люб. Ест. 1894. 6) Нѣсколько замѣчаній по поводу „Исслѣдованій и пр.“ кн. Б. Голицына Унив. Изв. 1894; 7) О нѣкоторыхъ новѣйшихъ взглядахъ на методы рѣшенія вопросовъ физики. Универс. Изв. 1894.

20) Ординарный профессор В. П. Ермаковъ: 1) Нахождение рациональных интеграловъ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій. Унив. Изв. 2) Роль памяти въ математикѣ (Педагогическій Сборникъ).

21) Ординарный профессор А. А. Коротневъ: 1) Zur Entwicklung des Mitteldarms bei den Arthropoden (Biologische Centralblatt 1894. № 12); 2) Tunicatenstudien Mittheilungen aus der Zoologischen Station zu Neapel. Bd. 12. Heft III; 3) Embryonale Entwicklung der Salpa democratica 1894 N 20; 4) Studien über Tunicaten (Fortsetzung) Zeitsch. f. wissen. Zoologie Bd. 59.

22) Ординарный профессор Б. Я. Букрѣевъ, разборъ сочиненія г. Picard'a, Traité d'Analyse, Tome II, 2-me fascicule. Университетскія Извѣстія за 1894 годъ.

23) Ординарный профессор П. И. Броуновъ: 1) Грозовая дѣятельность въ бассейнѣ Днѣпра въ 1893 г., Изв. Унив. св. Владиміра 1894; 2) Матеріалы къ изученію осадковъ въ бассейнѣ Днѣпра, Изв. Унив. св. Владиміра 1894 г.; 3) Снѣжный покровъ въ 1894—95 гг. Изв. Унив. св. Владиміра 1894; 4) Метеорологическій и сельскохозяиственный бюллетень, № 1, Изв. Унив. св. Владиміра 1894.

24) Ординарный профессор Г. К. Сусловъ: 1) „О кинетогометриі“ (Дневникъ IX съѣзда естеств исп. и врачей); 2) „О графическомъ рѣшеніи уравненій“; 3) „о дискриминантныхъ поверхностяхъ“; 4) О цилиндрическомъ валикѣ Валл'а (протоколы Кіевского физ.-мат. общества); 5) „Кинетогометрическая интерпретація трехмѣрныхъ пространствъ постоянной кривизны“ (Кіев. Унив. Изв.).

25) Ординарный профессор С. М. Богдановъ: 1) „Сопротивленіе почвы раздвиганію, какъ одинъ изъ факторовъ ея плодородія“ („Сельск. хоз. и лѣс.“, 1894, I) 2) „Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1892 г.“ („Унив. Изв.“ за 1894 г.); 3) оканчиваетъ печатаніе „Сельскохозяйственнаго Словаря“, вып. XI и XII.

26) Экстра-ординарный профессор П. Я. Армашевскій на IX съѣздѣ естествоиспытателей въ Москвѣ сдѣлалъ два сообщенія: 1) „о нахожденіи въ Кіевѣ костей мамонта совмѣстно съ кремневыми орудіями“ и 2) „О ледниковыхъ отверстіяхъ Могилевской губ.“—извлечение помѣщено въ Дневникѣ съѣзда.

27) Ординарный профессор С. Н. Реформатскій на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей сдѣлалъ рядъ докладовъ объ изслѣдованіяхъ на тему 1) о дѣйствиіи смѣси цинка и бромизомаслянаго эфира на алдегиды и кетоны и 2) о распаденіи α -окси кислотъ отъ дѣйствиія сѣрной кислоты. Краткое извлечение изъ нихъ помѣщено въ Дневникѣ съѣзда.

28) Ординарный профессор П. М. Покровскій на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей сдѣлалъ два сообщенія: 1) „Теорема Абеля и ея значеніе въ теоріи трансцендентныхъ функцій“, 2) „Новыя приложенія теоремы Абеля къ теоріи ультра-эллиптическихъ функцій“, краткое извлечение изъ нихъ помѣщено въ Дневникѣ съѣзда № 6, 3) въ № 3 Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій напечаталъ „Отзывъ о сочиненіяхъ по чистой математикѣ, представленныхъ для соисканія наградъ медалями“.

29) И. д. экстра-ординарнаго профессора Я. Н. Барзидовскій напечаталъ въ журн. Р. Ф. Х. О.—за 1893 г. „Сообщеніе о реакціи уплотненія алдегидовъ съ аминами“.

30) И. д. экстра-ординарнаго профессора С. Г. Навашинъ сдѣлалъ сообщенія на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей: 1) „О двухъ новыхъ склеротиніяхъ (Sclerotinia Ledi и scl. Alni)“, 2) „О развитіи зародыша у березы, въ связи съ эмбриологіей казуариновыхъ и хвойныхъ“, въ отдѣленіи ботаники С.-Петербур. Общ. Естествоисп.; 3) „Отчетъ о продолженіи изслѣдованій оплодотворенія въ семействѣ березовыхъ“, 4) „О морфологическомъ значеніи сѣмяпочекъ у березовыхъ“, 5) „О возникновеніи микроскопическаго изображенія по теоріи Аббе“, въ лѣсномъ обществѣ; 6) „О причинахъ невсхожести

сѣмянъ березы и ольхи“ (напечатано въ Извѣстіяхъ Петровской С. Х. академіи 1893). Напечаталъ: 1) „Ueber eine neue Sclerotinia, verglichen mit Scl. Rhododendri Fischer“. Ber. der deutschen botan. Gesellschaft, V. XI. N. 5. 2) „Kurzer Bericht meiner fortgesetzten Studien über die Embryologie der Betulineen“. Ber. d. deutsch. botan. Gesell. V. XII. N. 7.

31) Приватъ-доцентъ Р. Ф. Ф о г е л ь: 1) рефераты: „Примѣненіе фотографіи къ рѣшенію астрономическихъ вопросовъ. (Въ протоколахъ фотографической секціи Кіевскаго отд. Имп. Русск. Техническаго Общ. 7 дек. 1893 и 8 марта 1894); 2) въ журналѣ *Astronomische Nachrichten*, издаваемомъ въ Килѣ, статья: „Ueber die Identität der Lambert'schen und Olbers'schen Methode zur Berechnung parabolischer Bahnen“. Band 136, № 3246.

32) Приватъ-доцентъ В. К. С о в и н с к і й: „Отчетъ о командировкѣ въ С.-Петербургъ для научныхъ занятій въ зоологическомъ музеѣ Импер. Академіи наукъ“ (Унив. Изв. 1894 г., № 7, іюль).

33). Приватъ-доцентъ Н. Н. В о л о д к е в и ч ь сдѣлалъ сообщеніе въ Кіевскомъ обществѣ естествоиспытателей о реакціяхъ при соединеніи нѣкоторыхъ органическихъ окисей.

34) Приватъ-доцентъ К. А. П у р і е в и ч ь „Распаденіе и образованіе органическихъ кислотъ у высшихъ растений“ (Записки Кіевскаго общества естествоиспытателей, т. XIV).

в) По юридическому факультету.

35) Ординарный профессоръ О. О. Э й х е л ь м а н ь: въ *Трудахъ Высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру уставовъ о земскихъ повинностяхъ*: 1) Записка о реформѣ мѣстныхъ налоговъ въ Пруссіи въ 1894 г.; 2) Дѣйствующее русское законодательство о мѣстныхъ налогахъ и земскихъ повинностяхъ; 3) Записка объ основаніяхъ для реформы мѣстныхъ налоговъ и натуральныхъ повинностей въ Россіи.

36) Ординарный профессоръ Л. С. Б ѣ л о г р и ц ь - К о т л я р е в с к і й: „О врачебной тайнѣ“ въ Протоколахъ Кіевскаго общества врачей.

37) Ординарный профессоръ А. М. Г у л я е в ь: „Объ отношеніяхъ русскаго гражданскаго права къ римскому“ („Унив. Изв.“ 1894).

38) Приватъ-доцентъ М. Н. Я с и н с к і й оканчиваетъ печатаніемъ 1-й томъ о копныхъ и вотчинныхъ судахъ и приступаетъ къ печатанію

2-го тома тѣхъ же актовъ въ Архивѣ Юго-западной Россіи, издаваемомъ Кіевской Археографической Коммиссіей.

г) Медицинскій факультетъ.

39) Ординарный профессоръ М. И. Стуковенковъ: 1) Новый способъ опредѣленія ртути въ мочѣ. (Труды V съѣзда Общ. Русскихъ Врачей), 2) Къ вопросу о катафорическомъ способѣ введенія ртути, тамъ-же; 3) Пять случаевъ идиопатической множественной пигментной саркомы кожи (*sarcoma pigment. idiopatic. multiplex cutis*) тамъ-же; 4) Къ леченію риносклеромы, тамъ-же; 5) *Essai d'éclaircissement des principes du traitement de la syphilis par le mercure.*—*Annales de Dermatolog. et sypheligr.*—Août, Septembre. Paris; 6) *Du traitement de la syphilis par les injections de benzoate de mercure,* *Annales de Dermat. et de syphil.* Août-Septembre, Paris; 7) *Le rapport d'eczema chronique avec l'anestésie de la peau,* *Annales de Dermatologie et de syphiligraphie.* 8) *Sur une phénomèene clinique, non décrite, dans le cours de Pemphigus foliacé de Cazenave;*—Paris. *Annales de Dermatologie et syphiligr;* 9) Опытъ уясненія основъ леченія сифилиса ртутью. Москва, Медицинское Обозрѣніе.

40) Ординарный профессоръ С. И. Чирьевъ: 1) Кавказскія минеральныя воды въ 1894 г. (Унив. Изв.); 2) О новомъ энтоптическомъ явленіи (Записки Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербурѣ, *Comptes-rendus de l'academie de Médecine de Paris* и Унив. Изв.).

41) Ординарный профессоръ А. В. Ходинъ: 1) „Къ вопросу о рецидивирующихъ произвольныхъ кровотеченіяхъ въ стекловидное тѣло и о произвольномъ образованіи плотной соединительной ткани въ немъ и сѣтчаткѣ, („Вѣст. Офтальмол.“ январь и мартъ 1894 г.); 2) Критическій разборъ брошюры д-ра Скребидцаго „Къ вопросу о чрезмѣрномъ распространеніи заразныхъ глазныхъ болѣзней въ Россіи („Вѣстн. Офтальмол.“ май и іюнь 1894 г.); 3) рефератъ изъ русской офтальмологической литературы для *Revue générale d'ophtalmologie*, издаваемый въ Парижѣ Дог'омъ и Е. Meyer'омъ; 4) издавалъ журналъ „Вѣстникъ Офтальмологіи“.

42) Ординарный профессоръ В. В. Чирковъ на IX съѣздѣ Естествоиспытателей и врачей сообщилъ изслѣдованія объ измѣненіяхъ крови и обмѣнѣ веществъ при *тухоедета*, а также объ измѣненіяхъ въ крови (гемоглобинѣ) при *f. intermittens*. Напечаталъ въ „Медицинѣ“ статью „По поводу ученія о безбѣлковыхъ отекахъ“.

43) Ординарный профессоръ Г. Е. Рейнъ 1) редактировалъ Протоколы Ак. Гин. Общ. въ Кіевѣ; 2) редактировалъ переводъ XII изданія руководства по акушерству Schroeder'a съ дополненіями; 3) Sur la cure radicale de l'extrophie de la vessie (extirpation de la vessie, transplantation des urethères dans le rectum)—докладъ на международномъ конгрессѣ въ Римѣ, 1894 г.; 4) Случай кистомы яичника у шестилѣтней дѣвочки. Докладъ въ Ак. Гин. Общ. въ Кіевѣ 1894 г. 5) Случай кесарскаго сѣченія по консервативному методу съ благоприятнымъ исходомъ для матери и ребенка. Докладъ въ Ак. Гин. Общ. въ Кіевѣ 1894 г.

44) Ординарный профессоръ Ф. А. Лешъ: „Изъ пропедевтич. клиники. Н. А. Ильина. Къ біологіи *Ierthotricis buccalis*“ (Врачъ 1894 г. № 37).

45) Ординарный профессоръ П. И. Морозовъ „О предѣлахъ оперативнаго вмѣшательства при *endoarteriitis chronica* (въ случаяхъ *gangraenaе spontaneaе*)“. Докладъ, сдѣланный на 5-мъ Съѣздѣ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, напечатанный въ Трудахъ этого Съѣзда (т. 2-й).

46) Ординарный профессоръ В. В. Подвысоцкій 1) *Основы общей патологіи*, изданіе 2-е перваго тома, СПБ. 1894 г.; 2) *Die sprozaen - Frage auf dem V Pirogow'schen Congresse* (Cent. f. Bacteriol 1894) 3) О запасныхъ силахъ организма и о значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзнями, рѣчь на торжественномъ собраніи Пироговскаго съѣзда V, СПБ. 1894 г.

47) Экстра-ординарный профессоръ А. Д. Павловскій 1) О леченіи сибирской язвы искусственнымъ лейкоцитозомъ. Сообщено на XI международномъ конгрессѣ въ Римѣ, напеч. въ „Рус. Мед.“ 1894 г. и въ трудахъ конгресса; 2) О леченіи мѣстной бугорчатки искусственнымъ лейкоцитозомъ. Сообщ. и напечатано тамъ же; 3) Къ вопросу о вліяніи обширныхъ ожоговъ кожи на организмъ (смерть отъ ожоговъ). Сообщ. на XI междунар. конгр. въ Римѣ, напеч. въ „Хирург. лѣтописи“ 1894 и въ трудахъ съѣзда; 4) Глицериновый стерилизаторъ для хирургическихъ операцій „Русск. Мед.“ 1894; 5) *Ueber die Behandlung des Rhinoscleroms mit Rhinosclerien* (Deutsche medic. Wochenschr. 1884, № 13 и 14); 6) Къ вопросу о трансплантаціи кожныхъ лоскутовъ по Wolffe'у „Южно-русск. медич. газ.“ 1894 г. Кромѣ того изъ лабораторіи его напечатаны слѣдующія работы: 7) *А. Бухштабъ: „Значеніе искусственнаго лейкоцитоза при холерной инфекціи“* (Русск.

Мед.“ 1894 г. № 22 и 23); 8) *И. Гоффманъ*: Примѣненіе поваренной соли и стерилизаціи въ коробкахъ при асептическихъ операціяхъ „Рус. мед.“ № 10 1894 г.); 9) *Вс. Любинскій*: „Объ анаэробныхъ микробахъ нагноенія“. Работа, удостоенная мед. фак. унив. св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И. Пирогова (Унив. Изв.“ 1894 г.); 10) *Дм. Ив. Громаковскій*: Объ иммунизациі и леченіи кровяною сывороткой рожи. „(Русск. Мед.“ 1894 г.); 11) *И. М. Звинятскій*: „Асептическій гной и его отличіе отъ гноя септического-микробнаго“ (тамъ же).

48) Экстра-ординарный профессоръ В. Е. Черновъ: 1) О гнойномъ воспаленіи печени у дѣтей „(Hepatitis suppurativa). Врачъ № 39; 2) „Къ вопросу о домашнемъ воспитаніи дѣтей до школьнаго возраста.“ Рѣчь на торжественномъ актѣ университета. (Унив. Изв. 1894, № 3).

49) Экстра-ординарный профессоръ М. А. Тихомировъ сдѣлалъ докладъ на IX съѣздѣ Естествоиспытателей и написалъ статью въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“: „Случай врожденнаго отсутствія лѣваго легкаго и сохраненія верхней полой вены у взрослоу человека“.

50) Экстра-ординарный профессоръ В. Н. Образцовъ: О діагностическомъ и прогностическомъ значеніи прощупыванія *intestini ilei* и мезентеріальныхъ железъ при брюшномъ тифѣ „(Еженедѣльникъ“ журвала „Практическ. Медицина“, № 4).

51) Экстра-ординарный профессоръ В. Д. Орловъ: 1) „Изученіе экспериментальной гигіены, какъ основы санитарно-врачебной дѣятельности практическаго врача“. (Университетскія Извѣстія 1894 г. № 2); 2) „Данныя о холерной эпидеміи 1892года въ г. Самарѣ“, (Дневникъ Казанскаго Общества врачей. Вып. II, 1894 года).

52) Приватъ-доцентъ В. П. Курчинскій „Zur Frage der queren Muskelerregbarkeit“. Arch. f. Anatomie und Physiologie, 1894 г.

53) Приватъ-доцентъ О. Г. Яновскій „Къ техникумъ выслушиванія“ (Врачъ 1894).

54) Приватъ-доцентъ К. М. Сапѣжко: Traitement des défécouosités de l'urethre par la transplantation de la muqueuse („Annales des Maladies des Organes genito-urinaires“ du mois d'août 1894. (Къ леченію дефектовъ уретры путемъ пересадки слизистой оболочки „Хирургическая лѣтопись“ 1894 г.).

55) Приватъ-доцентъ В. А. Добронравовъ напечаталъ второе дополненное изданіе курса діагностики женскихъ болѣзней.

56) Приватъ-доцентъ М. А. Воскресенскій: „Обзоръ акушерско-гинекологическихъ учрежденій Парижа въ 1894 году“ — докладъ въ Акушерско-гинекологическомъ обществѣ 31 октября 1894 года.

57) Приватъ-доцентъ А. С. Игнатовскій: Ueber Fettmetamorphose d. Musculgewebe bei Phosphorvergiftung (Virchow Archiv 1894 г. В. 187).

58) Приватъ-доцентъ И. И. Кіяницинъ 1) De la cause de la mort à la suite des brûlures étendues de la peau (Archives de médecine expériment. Septembre 1894). 2) Influence de l'air stérilisé sur l'assimilation, la desassimilation de l'azote et l'excretion d'acide carbonique chez les animaux (Archives de Biologie à Gand., т. XIII).

59) Приватъ-доцентъ И. В. Троицкій: 1) Кабинетъ бесплатной выдачи обеззараженнаго коровьяго молока при лечебницѣ. „Общества поданія помощи больнымъ дѣтямъ въ г. Кіевѣ“. Докладъ V съѣзду русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова; 2) Значеніе обезпложеннаго коровьяго молока, какъ пищи больныхъ дѣтей (Русская Медицина №№ 25 — 27 1894). 3) Les oreillons dans l'enfance. Tableau clinique. (La médecine infantile. Juillet 1894). 4) Бактеріологическія изслѣдованія обезпложеннаго коровьяго молока (Южно-Русская Медицинская газета, №№ 39—40). 5) Soranus Ephesius als erster Pädiater der ewigen Stadt. (Archiv für Kinderheilk. Bd. XVII).

60) Приватъ-доцентъ В. К. Боровскій: „Къ вопросу объ источникахъ зараженія сифилисомъ“ (Военно-медиц. журналъ 1894 № 8).

61) Приватъ-доцентъ Н. М. Волковичъ: 1) „Къ казуистикѣ подбрюшинныхъ жировиковъ, выходящихъ черезъ отверстія, служащія обыкновенно мѣстомъ выходенія грыжевыхъ опухолей“ — сообщено въ Акушерско-гинекологическомъ обществѣ въ Кіевѣ 26 января 1894 г.; 2) „Костнопластическое изсѣченіе стопы съ пораженнымъ питательнымъ мостикомъ“ (Хирургическая лѣтопись 1894 г. № 5); 3) Случай, какъ своего рода unicum въ почечной хирургіи, благодаря оказавшимся въ немъ рѣзкимъ аномаліямъ въ развитіи мочеполювого аппарата“ — сообщено въ Акушерско-гинекологическомъ обществѣ въ Кіевѣ 27 сентября 1894 г.; 4) Нормальный способъ оперативнаго удаленія почечуныхъ узловъ“ (Врачъ 1894 года).

Университетъ св. Владиміра продолжалъ издавать журналъ „Университетскія Извѣстія“, выходящій ежемѣсячно подъ редакціей заслуженнаго профессора В. С. Иконникова. Въ журналъ этотъ входятъ по преимуществу ученныя работы профессоровъ, преподавателей и сту-

дентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Кромѣ того, въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ помѣщаются нѣкоторыя офіціальныя свѣдѣнія съ цѣлью ознакомленія публики съ состояніемъ и дѣятельностью университета св. Владиміра по ученой, педагогической, административной и хозяйственной частямъ. На изданіе „Университетскихъ Извѣстій“ въ минувшемъ году употреблено университетомъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ свыше 7000 рублей.

Профессора и лица ученаго университетскаго сословія принимали участіе въ трудахъ пяти ученыхъ обществъ, учрежденныхъ при университетѣ — въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ профессора В. С. Иконникова, въ Обществѣ естествоиспытателей подъ предсѣдательствомъ профессора К. М. Теофлактова, физико-математическомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. Н. Шиллера, юридическомъ подъ предсѣдательствомъ профессора В. Г. Демченко и въ Обществѣ акушерско-гинекологическомъ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ профессора Г. Е. Рейна. Общества эти, способствуя развитію науки, привлекали значительное число постороннихъ лицъ и установляли, такимъ образомъ, болѣе тѣсную связь между университетомъ и лицами, интересующимися научными вопросами.

Существующее при университетѣ историческое Общество Нестора Лѣтописца въ минувшемъ году имѣло 16 засѣданій, въ которыхъ членами было сдѣлано 34 сообщенія, касавшихся: археологіи (2), антропологіи (2), политической и бытовой исторіи (20), исторіи права (1), исторіи русской литературы и славяновѣдѣнія (7) и библиографіи (1). Въ теченіе года издана VШ книга „Чтеній“. Личный составъ общества Нестора Лѣтописца къ началу отчетнаго года представлялъ 24 почетныхъ и 108 дѣйствительныхъ членовъ. Въ настоящее время общество состоитъ изъ 24 почетныхъ и 111 дѣйствительныхъ членовъ. Въ библіотекѣ общества имѣется на лицо 1088 названій въ 2,220 томахъ и брошюрахъ. Средства общества состоятъ въ ежегодныхъ взносахъ членовъ и въ пособіи отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 800 руб.

Кіевское общество естествоиспытателей имѣло въ 1894 году 9 засѣданій, въ которыхъ было сдѣлано 22 научныхъ сообщеній (по минералогіи съ геологіей 9, химіи 4, зоологіи и ботаникѣ по 3, физикѣ 2 и метеорологіи 1). При матеріальномъ содѣйствіи общества, его дѣй-

ствительными членами Радкевичемъ и Тутковскимъ были предприняты двѣ экскурсіи для геологическихъ изслѣдованій въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ. Изъ изданій общества въ 1894 году напечатаны XX томъ „Указателя русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ“, за 1891 годъ и I вып. XIV тома „Записокъ“.

Къ 1 января 1895 года Общество состояло изъ 33 почетныхъ членовъ, 136 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-сотрудниковъ, всего 176 членовъ.

Кіевское Физико-математическое общество къ концу 1894 года состояло изъ 79 членовъ. Въ теченіе года имѣло 15 засѣданій, на коихъ доложено 40 научныхъ сообщеній. Въ теченіе весенняго полугодія обществомъ были организованы публичныя лекціи съ цѣлью пополненія фонда имени Н. И. Лобачевскаго, учреждаемаго при Казанскомъ математическомъ обществѣ; лекторами были члены общества: Р. Н. Савельевъ, Н. Н. Шиллеръ, В. И. Зайончевскій, Н. П. Соколовъ, О. О. Косоноговъ, В. В. Игнатовичъ-Завилейскій и Г. Г. де-Метцъ.

Кіевское юридическое Общество. Къ 1 января 1895 года въ обществѣ числится членовъ—почетныхъ 3 и дѣйствительныхъ 204, и 14 по отдѣленію обычнаго права.

Засѣданія общества были посвящены обсужденію доклада о проектахъ установленія системы записи для укрѣпленія правъ на недвижимыя имѣнія.

При обществѣ состоитъ бібліотека, въ которой къ 1 января 1895 года состоитъ книгъ и журналовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ 579 названій въ 1129 томахъ.

Средства свои Юридическое общество получало изъ пятирублевыхъ членскихъ взносов.

Акушерско-гинекологическое общество вступило въ 9-й годъ своего существованія. Къ концу отчетнаго года въ обществѣ числилось 90 членовъ, изъ которыхъ: почетныхъ 7, членовъ-учредителей 25, дѣйствительныхъ 51 и членовъ-корреспондентовъ 7. Общество въ минувшемъ году имѣло 8 засѣданій, изъ коихъ одно годовое. Засѣданія были публичныя и происходили въ аудиторіи акушерской клиники. Административныхъ засѣданій было 5. Въ ученыхъ засѣданіяхъ заслушано и обсуждено было 22 доклада; многіе изъ нихъ сопровож-

дались демонстраціями больныхъ, препаратовъ и т. п. Общество за отчетный годъ напечатало VII томъ своихъ трудовъ, состоящій изъ 12½ печатаныхъ листовъ съ нѣсколькими таблицами рисунковъ. Въ библіотекѣ общества къ концу года числилось 1935 названій.

Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденийъ при университетѣ св. Владиміра состоитъ 48: двѣ библіотеки—основная и студенческой ея отдѣлъ, 2 обсерваторіи—астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскихъ клиники, 3 госпитальныхъ, 3 клиническихъ отдѣленія при Кіевской городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, патолого-анатомическій институтъ, ботаническій садъ, 9 лабораторій и 22 кабинета. На содержаніе этихъ учрежденийъ и пополненіе новыми книгами, приборами, коллекціями университетъ въ 1894 году израсходовалъ 92,562 руб. 97 коп., изъ коихъ 51,435 руб. 92 коп. отпущено изъ казны и 41,127 р. 5 коп.—изъ своихъ специальныхъ средствъ. Сверхъ того нѣкоторыя изъ учрежденийъ университета обогащены щедрыми пожертвованіями; такъ, вдова профессора Костомарова принесла въ даръ всю библіотеку своего покойнаго мужа, которая составитъ въ университетѣ особый отдѣлъ, и вдова бывшаго черниговскаго губернатора Судіенко Юлія Михайловна, согласно волѣ покойнаго мужа, пожертвовала библіотеку, изъ коей уже принято университетомъ 93 тома рукописей.

Объ учащихся.

Въ 1894 году поступило въ студенты 695 человекъ; къ 1 января 1895 года состоитъ 2313 человекъ, менѣе противъ числа студентовъ, состоящихъ къ 1 января 1894 года, на 45 человекъ.

По факультетамъ числилось: на историко-филологическомъ 53; физико-математическомъ: по естественному отдѣленію 212, по математическому 120, на юридическомъ 942 и медицинскомъ 986. Кромѣ того, состояло постороннихъ слушателей 41 и фармацевтовъ 63, а всего учащихся 2,417 лицъ.

Изъ общаго числа студентовъ въ 1894 году было освобождено отъ платы за слушеніе лекцій въ первомъ полугодіи 414, во второмъ полугодіи 390 лицъ; въ томъ числѣ и всѣ студенты, получающіе стипендіи изъ сумъ Государственнаго казначейства.

Всѣхъ стипендій въ теченіе 1894 года въ университетѣ было 100, изъ нихъ 39 на счетъ суммъ Государственнаго казначейства, 46 на суммы, пожертвованныя частными лицами и обществами и предоставленныя въ распоряженіе университета, и 15 на суммы попечительства о недостаточныхъ студентахъ. Наибольшій размѣръ стипендій былъ въ 300 руб., наименьшій 45 руб. въ годъ.

На стипендіи и пособія употреблено въ 1894 году 47,409 руб. 42 коп., въ томъ числѣ изъ суммъ Государственнаго казначейства 21,220 руб., изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 3,753 р., изъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе университета разными частными лицами и обществами 12,344 р. 67 к. и выдано обществомъ вспомошествованія студентамъ университета пособій на сумму 10,291 руб. 75 к.

Въ 1894 году университетъ св. Владиміра получилъ слѣдующія пожертвованія, за которыя считаетъ своимъ долгомъ выразить публично свою глубочайшую признательность благороднымъ жертвователямъ:

1) Потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Львомъ Из. Бродскимъ пожертвованы 5,000 руб. на учрежденіе при университетѣ св. Владиміра для студентовъ іудейскаго исповѣданія стипендіи имени сына его Михаила Бродскаго.

2) Дворянами Кіевской губерніи Ѳ. В. Флорковскимъ, С. С. Сырочинскимъ, С. Ѳ. Залѣскимъ, П. С. Подгорскимъ и М. И. Хелминскимъ пожертвованы 6,000 руб. на учрежденіе стипендіи имени Ѳаддея Осиповича Бобровскаго для студентовъ польскаго происхожденія римско-католическаго исповѣданія.

3) По завѣщанію глусскаго мѣщанина Никодима Даниловича Бобака, пожертвованы дочерью его Еленою Оскерко 2,450 руб. на учрежденіе стипендіи имени покойнаго.

Всего въ 1894 году пожертвовано университету 13,450 рублей.

Результаты испытаній въ правительственныхъ комиссіяхъ при университетѣ св. Владиміра оказались слѣдующіе:

1) *Историко-филологической комиссіи:*

Заявили желаніе экзаменоваться	9
Удостоены диплома 1-й степени	6
„ „ 2-й степени	3

2) *Физико-математической комиссіи:*

По естественному отдѣлу:

Заявили желаніе экзаменоваться	10
Удостоены диплома 1-й степени	6
" " 2-й степени	4

По математическому отдѣлу:

Заявили желаніе экзаменоваться	15
Удостоены диплома 1-й степени	7
" " 2-й степени	4

3) *Юридической комиссіи:*

Заявили желаніе экзаменоваться	190
Удостоены диплома 1-й степени	51
" " 2-й степени	117

4) *Медицинской комиссіи:*

Заявили желаніе экзаменоваться	152
Удостоены диплома на званіе лѣкаря съ отличіемъ	17
Удостоены диплома на званіе лѣкаря	121

Независимо отъ того, въ 1894 году университетомъ св. Владиміра, на основаніи ст. 27 пар. II п. 2 и ст. 30 пар. I п. 2 устава университет. 1884 г., удостоены ученыхъ степеней и званій 127 лицъ, а именно:

1) степени доктора медицины 3, 2) степени доктора русской исторіи 1, 3) степени доктора римскаго права 1, 4) степени магистра ботаники 1, 5) степени магистра русской исторіи 1, 6) акушера, какъ члена врачебной управы 1, 7) уѣзднаго врача 4, 8) лѣкаря 1, 9) провизора 16, 10) аптекарскаго помощника 46, 11) зубного врача 16, 12) дантиста 26, 13) повивальной бабки 10.

А вообще, по постановленіямъ факультетовъ и правительственныхъ испытательныхъ комиссій при университетѣ св. Владиміра, въ минувшемъ году ученыхъ степеней и званій удостоено 463 лица.

На предложенныя въ 1894 году факультетами задачи для соисканія наградъ медалями представлены слѣдующія сочиненія:

По историко-филологическому факультету.

На тему по русскому языку и словесности „Критико-библиографическій обзоръ трудовъ по изученію русскаго богатырскаго эпоса“ представлено два большихъ сочиненія.

1. Одно съ дивизомъ „то старина, то и дѣянье“ раздѣляется на три главныя части: 1) литературная исторія русскаго былевого эпоса, 2) былины въ отношеніи этнографическомъ и 3) научное изученіе былинь. Въ первой части авторъ разсматриваетъ названіе „былинь старинъ“, „богатырей-храбровъ“, лѣтописныя и другія историческія и литературныя указанія на богатырей и былины, при чемъ отмѣчаетъ всѣ старинныя записи былевого эпоса, всѣ изданія былинь, начиная съ XVIII столѣтія.

Эта первая часть составлена съ большимъ вниманіемъ къ литературѣ предмета и съ критическими приѣмами, благодаря которымъ авторъ могъ разобратъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ. Во второй части указывается географическое и статистическое распространеніе русскаго богатырскаго эпоса, при чемъ авторъ приводитъ самостоятельныя данныя по вопросу объ отношеніи русскаго богатырскаго эпоса къ бѣлорусскимъ пѣснямъ, сказкамъ, съ одной стороны, и къ малорусскимъ сказкамъ, преданіямъ и нѣкоторымъ думамъ—съ другой. Здѣсь-же авторъ говоритъ о „сказителяхъ“—пѣвцахъ былинь, касается труднаго вопроса о стихотворномъ размѣрѣ русскихъ былинь и сопоставляетъ русскій богатырскій эпосъ съ другими видами русской народной поэзіи, особенно со сказками. И въ этой части сочиненія видно самостоятельное и критическое отношеніе автора къ существующимъ взглядамъ въ литературѣ предмета. Третья часть посвящена критико-библиографическому обзору трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Разсматривая въ хронологическомъ порядкѣ всѣ русскіе и иностранныя труды, посвященные русскому богатырскому эпосу, авторъ попытался свести важнѣйшіе труды къ главнымъ направленіямъ, при чемъ отмѣтилъ слѣдующія: славянофильское, историческое, мифологическое въ разныхъ направленіяхъ, сравнительно-историческое съ точки зрѣнія заимствованія и др.

Изложеніе автора отличается умѣлымъ выборомъ существеннаго и отчетливымъ указаніемъ ошибочныхъ заключеній. Вся работа показываетъ, что составитель ея успѣлъ не только усвоить результаты

изученія русскаго богатырскаго эпоса, но и самостоятельно вчитался въ источники и пособія по предмету своей темы.

Въ общемъ данное сочиненіе производитъ самое благопріятное впечатлѣніе какъ по полнотѣ критико-библіографическаго обзора трудовъ по изученію русскаго богатырскаго эпоса, такъ по умѣлому изложенію и по самостоятельнымъ экскурсамъ. Эти послѣдніе основаны на хорошемъ знакомствѣ автора съ западно-европейскимъ средневѣковымъ эпосомъ и съ южно-славянскою поэзіей.

Въ виду столь высокихъ достоинствъ сочиненія, указанныхъ въ рецензіи профессора П. В. Владимірова, авторъ его, окончившій курсъ въ маѣ прошлаго года и нынѣ оставленный при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію Андрей Лобода удостоенъ историко-филологическимъ факультетомъ награды золотою медалью и преміи имени Ник. Ив. Пирогова.

2. Другое сочиненіе на ту-же тему съ девизомъ „Благословляй-ко хозяинъ, благословляй, господинъ, старину сказать“ состоитъ изъ шести главъ. Во введеніи и въ первой главѣ авторъ кратко говоритъ о рукописныхъ записяхъ былинь и объ ихъ изданіяхъ, а въ остальныхъ пяти главахъ подробно разбираетъ труды по научному изученію русскаго богатырскаго эпоса въ хронологическомъ порядкѣ. Вся работа носитъ по преимуществу библіографическій характеръ. Видно, что авторъ прочелъ всѣ изслѣдованія по русскому богатырскому эпосу, но старался отмѣтить только ихъ содержаніе и ихъ оцѣнку въ литературѣ предмета. Въ свой отчетъ о разработкѣ былинь онъ не внесъ ни критическаго отношенія къ разсматриваемымъ трудамъ, ни болѣе или менѣе самостоятельныхъ замѣчаній, хотя бы по частнымъ вопросамъ. Эта неполнога работы отчасти искупается двумя полезными приложеніями: „Указатель литературы предмета“ и „Указатель содержанія всѣхъ русскихъ былинь по главнѣйшимъ сборникамъ“. Во всякомъ случаѣ въ данномъ сочиненіи сказалось большое трудолюбіе и начитанность автора.

Въ виду изложеннаго, историко-филологическій факультетъ, на основаніи рецензіи профессора П. В. Владимірова, удостоилъ автора означеннаго сочиненія, студента 7семестра Григорія Александровскаго награды серебряною медалью.

3. На тему по славянскою филологіи „Сербскій писатель Досифей Обрадовичъ, характеристика личности и литературной дѣятель-

ности“ представлено было одно сочиненіе (подъ девизомъ: *Quod potui feci, faciant meliora potentes*“).

Факультетская тема требовала рѣшенія двухъ задачъ. Одна должна была обнимать характеристику личности Досиѳея Обрадовича, этого сербскаго Анахарсиса, посвятившаго свою жизнь исканію самаго широкаго просвѣщенія, обошедшаго съ этою цѣлью чуть не всю Европу, выработавшаго въ себѣ цѣльное философское міросозерцаніе и отдавшаго всѣ свои силы на служеніе родному народу въ лучшемъ значеніи этого слова. Другая задача—состояла въ историко-литературномъ разборѣ сочиненій этого перваго сербскаго писателя новаго направленія, также весьма замѣчательныхъ и по содержанію, и по формѣ, и по языку. Данная работа представляетъ обстоятельное, прекрасное рѣшеніе обѣихъ задачъ во всемъ ихъ объемѣ. Это обширный трудъ (болѣе 100 листовъ), состоящій изъ двухъ частей и введенія.

Введеніе распадается на двѣ главы: въ первой—данъ краткій, прекрасно составленный очеркъ состоянія просвѣщенія и литературы у австрійскихъ сербовъ XVIII столѣтія. Во второй представленъ критико-библіографическій обзоръ литературы предмета и изданій сочиненій Досиѳея.

Первая часть сочиненія, раздѣленная на четыре главы, посвящена біографіи писателя, изложенной съ большимъ умѣньемъ и обстоятельностью. Вторая часть, состоящая изъ пяти главъ, имѣетъ предметомъ подробный историко-литературный разборъ всѣхъ сочиненій Досиѳея и общую оцѣнку литературной дѣятельности писателя. Здѣсь авторъ знакомитъ съ общимъ характеромъ и содержаніемъ произведеній Досиѳея, опредѣляетъ по нимъ религіозно-философскія, политическія, этические и педагогическія воззрѣнія писателя, старается объяснить генезисъ этихъ воззрѣній, при чемъ отмѣчаетъ вліяніе западно-европейскихъ писателей и степень самостоятельности мышленія и творчества сербскаго писателя, наконецъ, довольно подробно останавливается на его стилѣ и языкѣ.

Въ четвертой главѣ, между прочимъ, ставится и рѣшается важный вопросъ объ отношеніи Досиѳея Обрадовича къ народу, объ изображеніи народной жизни въ его сочиненіяхъ и о степени народности его языка.

Въ отношеніи содержанія сочиненіе отличается замѣчательною полнотой. Что касается исполненія, то его нужно считать образцо-

вымъ. Авторъ сочиненія, очевидно, работалъ надъ занимавшими его вопросами не только съ большимъ стараніемъ, но и съ любовью. Онъ добросовѣстно до мелочей изучилъ произведенія Досифея всесторонне ознакомился съ литературой предмета и обнаружилъ большую начитанность въ западно-европейскихъ литературахъ, особенно сказавшуюся при рѣшеніи вопроса о вліяніи произведеній Эбергарда, Адиссона, Фенелона, Руссо, Локка, Поллингофера, Лессинга, Лафонтена, и др. на тѣ или другія воззрѣнія и сужденія изучаемаго писателя. Далѣе авторъ знакомъ съ приемами литературной критики, обладаетъ глубокимъ анализомъ и значительною наблюдательностью. Сужденія его отличаются осторожностью, объективностью и основательностью. Изложеніе легкое, ясное, мѣстами изящное. Въ общемъ данная работа представляетъ вполне самостоятельную, строго-научную, хорошо составленную и изложенную монографію объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ сорбскихъ писателей.

Принимая во вниманіе выдающіяся достоинства означеннаго сочиненія, подробно раскрытыя въ рецензії профессора Г. Д. Флоринскаго, историко-филологическій факультетъ удостоилъ автора, окончившаго курсъ въ маѣ прошлаго года и нынѣ оставленнаго при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, Константина Радченко награды золотою медалью.

4. На тему по русской исторіи „Очеркъ исторіи Полоцкаго княжества“ представлено одно сочиненіе подъ дивизомъ: „*novi semper scriptores aut in rebus certius aliquid allaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos credunt*“.

Работа состоитъ изъ шести главъ. Въ первой данъ историко-географическій очеркъ полоцкой земли. Вторая глава посвящена археології и первобытной исторіи полоцкой земли до завоеванія ея Владиміромъ Св. Третья и четвертая содержатъ изложеніе политической исторіи Полоцкаго княжества до половины XIII вѣка, т. е. до литовскаго завоеванія. Пятая занята очеркомъ исторіи Полоцкаго княжества послѣ литовскаго завоеванія. Наконецъ, шестая глава посвящена разсмотрѣнію внутреннихъ отношеній въ складѣ жизни Полоцкаго княжества.

Сочиненіе написано весьма добросовѣстно. За малыми исключеніями авторъ старается подтвердить свои положенія цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, которыя онъ съ большимъ усердіемъ и тру-

долюбіемъ собралъ во всѣхъ источникахъ и пособіяхъ, изученныхъ имъ весьма тщательно и въ полномъ составѣ. По временамъ авторъ проявляетъ значительныя критическія способности, напр., при разборѣ легенды, относящейся къ мнимому завоеванію Полоцка Довмундомъ, княземъ псковскимъ, или при изслѣдованіи загадочныхъ двинскихъ камней съ именемъ Бориса. Особенно хорошо написана шестая глава, въ ней внутренней бытъ Полоцкой земли разсмотрѣнъ всесторонне, отмѣчены отличія этого быта отъ быта другихъ русскихъ княжествъ, при чемъ всѣ положенія обставлены фактическими данными.

Въ общемъ сочиненіе, несмотря на нѣкоторые недостатки, указанные въ рецензіи профессора В. Б. Антоновича, дѣлаетъ впечатлѣніе серьезнаго научнаго труда, приносящаго въ науку нѣкоторую долю новыхъ данныхъ и свидѣтельствующаго какъ объ огромномъ трудолюбіи автора, такъ и объ умѣни его пользоваться научнымъ матеріаломъ и выработанныхъ критическихъ приемахъ.

На основаніи вышеизложеннаго авторъ даннаго сочиненія студентъ 7 семестра Василій Даниловичъ удостоенъ историко-филологическимъ факультетомъ награды золотою медалью.

По физико-математическому факультету.

На предложенную физико-математическимъ факультетомъ тему: „Приспособленіе степныхъ растений къ условіямъ климата и почвы“ представлено одно сочиненіе; написалъ сочиненіе студентъ сего факультета 7 семестра Овсей-Гесель Ашкенази.

По отзыву профессора О. В. Баранецкаго, авторъ отнесся къ своей задачѣ весьма серьезно и добросовѣстно и не жалѣлъ труда, чтобы обработать свою тему возможно обстоятельно. Подробное анатомическое изслѣдованіе 67 растительныхъ формъ, изслѣдованіе, которыхъ поясняется 83-мя прекрасными и въ высшей степени старательно исполненными рисунками микроскопическихъ препаратовъ, свидѣлствуетъ уже само по себѣ о количествѣ положеннаго труда. Но это лишь внѣшняя, такъ сказать, сторона сочиненія. Слѣдуетъ признать, что и внутреннее его содержаніе заслуживаетъ похвалы. Авторъ хорошо ознакомился съ литературой, относящейся къ его предмету, и трактуетъ объ этомъ предметѣ вполне отчетливо и научно въ связи со всѣми общими вопросами растительной анатоміи и фізіологіи, поскольку ему приходится касаться ихъ въ своемъ сочиненіи.

На основаніи такого отзыва профессора О. В. Баранецкаго, физико-математическій факультетъ удостоилъ студента 7-го семестра Ашкенази награжденія золотой медалью.

По юридическому факультету.

На объявленную юридическимъ факультетомъ тему: „Исторія развитія горной обрабатывающей промышленности въ Россіи съ 1861 года“ представлено одно сочиненіе студентомъ 7 семестра Александромъ Николаевымъ.

Это сочиненіе представляетъ большое историко-статистическое изслѣдованіе около 600 страницъ, примѣрно отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ. Сводка матеріала изъ различныхъ источниковъ потребовала отъ автора значительнаго труда, который былъ еще увеличенъ попыткой изобразить положеніе кустарныхъ промысловъ на ряду съ другими отраслями производства. Если-бы автору удалось строго выдержать свой планъ, ориентироваться во всѣхъ затронутыхъ имъ вопросахъ, а затѣмъ свести отдѣльные очерки въ одну общую картину, то его изслѣдованіе представляло-бы весьма почтенный научный трудъ. Но авторъ не овладѣлъ матеріаломъ въ такой мѣрѣ, чтобы воспользоваться имъ для научныхъ обобщеній и заключительныхъ выводовъ. Эти послѣдніе являются не мотивированными и какъ-бы независимыми отъ матеріала, изъ котораго они выведены. Разобщеніе между излагаемыми историко-статистическими данными и развитіемъ руководящихъ воззрѣній автора составляетъ главный недостатокъ сочиненія. Но принимая во вниманіе обширность работы, большія трудности, которыя приходилось преодолевать автору, спорность нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ и противоположное освѣщеніе фактовъ въ имѣющихся частныхъ и официальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи нашей промышленности за послѣднее 30-лѣтіе, рецензентъ находитъ, что авторъ обнаружилъ не только трудолюбіе, но умѣніе выбирать матеріалъ и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ и осторожностью, а нѣкоторыя части работы, излагающія очеркъ развитія отдѣльныхъ отраслей промышленности, выполнены имъ вполне удовлетворительно. Согласно съ отзывомъ профессора Д. И. Пихно, юридическій факультетъ удостоилъ студента 7-го семестра Николаева Александра награды золотой медалью.

На предложенную юридическимъ факультетомъ по гражданскому праву тему „О залогѣ“ представлены три работы.

Первая изъ этихъ работъ распадается на три части: первая часть представляетъ изложеніе историческаго развитія закладнаго права римскаго, германскаго и русскаго.

Историческое изслѣдованіе вопроса о залогѣ могло-бы само по себѣ составить отдѣльную работу; будучи-же включено, въ качествѣ составной части, въ обширный трудъ, посвященный, по мысли автора, всестороннему изученію вопроса о залогѣ, историческое изслѣдованіе въ особенности, что касается римскаго и германскаго права, оказывается поверхностнымъ и слишкомъ краткимъ.

Болѣе обстоятельно изложена исторія русскаго закладнаго права. Излагая ее, авторъ обнаруживаетъ знакомство съ историческими памятниками и съ источниками дѣйствующаго законодательства, равно и съ литературой вопроса.

Вторая часть посвящена изложенію „общаго ученія объ ипотекаѣ“. Эта часть работы отличается тѣмъ-же характеромъ, какъ и первая. Съ исторіей ипотеки авторъ знакомъ мало и обнаруживаетъ поспѣшность въ разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые при современномъ состояніи науки не могутъ быть рѣшаемы съ тою категоричностью, къ какой склоненъ авторъ.

Третья часть озаглавлена „Исходные моменты ученія объ ипотекаѣ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. о залогѣ“. Въ этой части авторъ держится того-же порядка изложенія, что и во второй, рассматривая въ при-мѣненіи къ каждому вопросу сначала право иностранное, затѣмъ отечественное. Несмотря на то, что эта III-я часть посвящена догматическому изложенію ученія о залогѣ, авторъ предпосылаетъ изложенію каждаго отдѣльнаго вопроса историческій очеркъ его развитія, результатомъ чего является полное повтореніе того, что было изложено уже во второй и въ первой частяхъ работы. Такой приѣмъ ведетъ лишь къ расширенію нынѣшняго объема работы и не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія. Матеріаломъ для догматическаго изображенія дѣйствующаго отечественнаго права залога служатъ для автора кассационныя рѣшенія; тутъ-же авторъ считаетъ возможнымъ пользоваться и статьями проекта вотчиннаго устава 1892 года. Но обращая преимущественное свое вниманіе на исторію залога и на его грядущія формы, авторъ проходитъ въ текстѣ молчаніемъ тѣ нормы

залоговаго права, которыя имѣютъ въ настоящее время обширную область примѣненія на основаніи уставовъ кредитныхъ установленій.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ автору должно быть поставлено въ заслугу привлеченіе обширнаго матеріала—изъ историческихъ памятниковъ, изъ полнаго собранія законовъ и кассационныхъ рѣшеній и знакомство съ важнѣйшими произведеніями литературы по вопросу о залогѣ.

На основаніи сказаннаго рецензенты проф. В. Г. Демченко и А. М. Гуляевъ и юридическій факультетъ признали возможнымъ удостоить первую работу, принадлежащую студенту 7 семестра Николаю Товстолѣсу, серебряною медалью.

Вторая работа распадается на двѣ части: историческую и догматическую.

Историческое развитіе залоговаго права изучается авторомъ исключительно на почвѣ источниковъ отечественнаго права, въ системѣ, заимствованной изъ современной теоріи залога. Авторъ старается прослѣдить постепенное развитіе залоговыхъ началъ по тѣмъ историческимъ памятникамъ, которые даютъ какія-либо указанія по данному вопросу. Литературой, исключительно русской, авторъ воспользовался въ полномъ ея объемѣ, обнаруживъ при этомъ въ достаточной степени самостоятельность сужденій.

Догматическая часть представляетъ собою весьма стройное изложеніе ученія о залогѣ по русскому праву. Авторъ привлекаетъ къ изслѣдованію какъ матеріаль X т. I ч., такъ и уставы кредитныхъ установленій, благодаря чему залогъ по этимъ уставамъ не является у него изъятіемъ изъ нормъ отечественнаго права, а лишь дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ (ст. 1630 I ч. X т. и законъ 1862 г.). Единство историческаго развитія отражается, въ изложеніи автора, и въ единствѣ догматическаго построенія, вслѣдствіе чего авторъ не отдѣляетъ изученія залога отъ изученія заклада.

Обнаруженное авторомъ умѣнье анализировать юридическія явленія, знакомство его съ большимъ количествомъ законодательнаго матеріала и освѣдомленность въ русской литературѣ вопроса должны быть поставлены автору въ заслугу.

Но наряду съ положительными сторонами работы слѣдуетъ указать и отрицательныя—предвзятость основной мысли и игнорированіе иностранныхъ законодательствъ и литературы. Однако, выше указан-

ными положительными качествами съ избыткомъ искупаются недостатки работы. Авторомъ этой работы оказался студентъ 7 семестра Левъ Рудневъ, удостоенный юридическимъ факультетомъ, согласно съ отзывомъ тѣхъ же рецензентовъ, золотой медали.

Третья работа излагаетъ, безъ всякихъ внѣшнихъ подраздѣленій, постепенное въ хронологическомъ порядкѣ накопленіе законодательнаго матеріала по отдѣльнымъ рубрикамъ ученія о залогѣ; много мѣста удѣлено также изложенію статей проекта ипотечнаго устава и извлеченіямъ изъ объяснительной записки.

Не отличаясь достоинствами обѣихъ предыдущихъ работъ, сочиненіе это обнаруживаетъ въ авторѣ трудолюбіе и любознательность, въ виду чего авторъ названнаго сочиненія студентъ 7 семестра Александръ Янченко удостоенъ почетнаго отзыва.

Для соисканія наградъ медалями въ 1895 году факультетами предложены слѣдующія темы:

а) По историко-филологическому:

По философіи: „Элементы философіи Канта въ эстетикѣ Шиллера“.

По славянской филологіи: 1) „Станко Вразъ, его поэзія и значеніе въ исторіи національнаго и литературнаго возрожденія юго-западныхъ славянъ“; „Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка“.

По исторіи западно-европейскихъ литературъ: 1) „Новыя начала, внесенныя въ литературу Жанъ-Жакомъ Руссо“; 2) Романъ Гете „Страданія молодого Вертера“.

б) По физико-математическому:

1) „Элементы геометріи на поверхности постоянной кривизны“.
2) „О способѣ и результатахъ опредѣленія элементовъ земнаго магнетизма“. 3) „Историческое развитіе ученія о внутреннемъ строеніи кристалловъ“. 4) „Этил-диметил-этиленмолочная кислота“.

в) По юридическому:

1) По гражданскому праву: „Общая собственность по русскому праву“. 2) По уголовному праву: „Защита на предварительномъ слѣд-“

ствіи“. 3) По римскому праву: 1. „Можно-ли признать наличность совмѣстнаго солидарнаго владѣнія (compossessio plurium in solidum) при производномъ владѣніи“; 2. „Договоръ колоновъ“. 4) По политической экономіи: „О формахъ и предѣлахъ государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа“.

г) По медицинскому факультету:

1) „Участіе лейкоцитовъ въ заживленіи раны и образованіи рубца“. 2) „Вліяніе газовъ и лѣкарственныхъ средствъ съ положительнымъ и отрицательнымъ хеміотаксисомъ, какъ креозотъ, гваяколь, іодоформъ и др., на теченіе экспериментальной бугорчатки животныхъ“. 3) „Изслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи продажнаго молока на кіевскомъ рынкѣ“ и 4) „Изслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи хлѣба, продаваемого на рынкахъ г. Кіева“.

Таково, въ общихъ чертахъ, состояніе университета св. Владиміра за минувшій 1894 годъ. Этимъ годомъ закончилось шестидесятилѣтіе со времени основанія его по волѣ приснопамятнаго Государя Императора Николая I и десятилѣтіе со времени послѣдняго преобразованія его по Высочайше утвержденному 23 августа 1884 года уставу и штату. Въ концѣ отчетнаго года, среди текущихъ учебныхъ и ученыхъ занятій своихъ, направленныхъ къ выполненію указанныхъ уставомъ задачъ, университетъ св. Владиміра, вмѣстѣ со всею Россіею, пораженъ былъ скорбнымъ событіемъ—преждевременною кончиною Покровителя своего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III; но глубокая скорбь о такой утратѣ смягчается свѣтлою надеждою на будущее съ поступленіемъ университета подъ покровительство Его Величества Государя Императора Николая Александровича, который, будучи еще Наслѣдникомъ престола, соизволилъ принять на себя званіе Почетнаго Члена университета св. Владиміра.

Да царствуетъ много и много лѣтъ Императоръ Николай II-й на благо и славу дорогаго отечества, и да процвѣтаетъ подъ Его покровительствомъ отечественное просвѣщеніе!

Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ,
въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимуще-
ственно новѣйшей французской.

*(Рѣчь, произнесенная профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ на торжественномъ
актѣ университета св. Владиміра 17 января *).*

I. „Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; лишь мышленіе
дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ“, говоритъ Шекспировъ Гэмлетъ. Другими
словами: лишь собственное мышленіе заставляеть каждаго усматривать
хорошее или худое въ томъ или иномъ явленіи.

Это мимолетное замѣчаніе знаменитаго Шекспирова пессимиста
подтверждается какъ нельзя лучше исторіею человѣческой мысли вообще
и въ частности исторіею поэзіи. Тотъ самый міръ, созерцаніе котораго
наполняетъ восторгомъ однихъ, внушаетъ скорбь, негодованіе, либо
холодное презрѣніе другимъ.

Такое сочетаніе противоположныхъ міровоззрѣній представляетъ
и наше время. На ряду съ возгласами о прогрессѣ, которые разда-
вались особливо въ 60-хъ годахъ нашего вѣка, на ряду съ гордыми
надеждами человѣческаго генія и никогда не прекращающимися въ
человѣчествѣ свѣтлыми упованіями на лучшее будущее, замѣчается
колебаніе и отсутствіе цѣльности во множествѣ личностей, не нахо-
дящихъ твердой опоры для своихъ лучшихъ порываній; представленіе
и чувство многихъ людей образованнаго общества на Западѣ и у насъ
подавляются безнадежнымъ отношеніемъ къ жизни, угнетаются тяже-
лымъ кошмаромъ мрачныхъ мыслей. Скорбное міросозерцаніе всецѣло
овладѣваетъ не только людьми заурядными, но также и нѣкоторыми

*) Въ интересъ своевременнаго выхода отчета о торжественномъ актѣ Университета
св. Владиміра пока представляемъ сокращенное изложеніе рѣчи; полный же текстъ ея
съ надлежащими подтвержденіями и ссылками явится въ печати позднѣе.

изъ даровитѣйшихъ мыслителей и поэтовъ, и набрасываетъ мрачную тѣнь на конецъ нашего вѣка, внушая не ждать ничего лучшаго въ будущемъ и ужасая раскрывающеюся при этомъ бездной человѣческаго отчаянія.

И сколько отъ того печальныхъ явленій въ жизни! Развитие алкоголизма готовы объяснять и иные ученые исканіемъ забвенія среди невзгодъ жизни. Можно насчитать далѣе тысячи печальныхъ фактовъ добровольной разлуки съ жизнью, многіе изъ которыхъ возводятся съ полною вѣроятностію къ безнадежнымъ идеямъ о мірѣ. Вспомнимъ, что начало маніи самоубійствъ въ новое время было положено и въ поэзіи и въ жизни предками нашихъ разочарованныхъ—Гётевымъ Вертеромъ и лицомъ, послужившимъ отчасти прототипомъ послѣдняго и дѣйствительно покончившимъ съ собою,—Іерузалемомъ. Къ тому-же разряду явленій относится отчасти и анархическое движеніе, отрицающее всѣ существующіе устои жизни. Сопоставимъ съ нимъ „Разбойниковъ“ Шиллера, „Sbogar“-а Нодье и т. п. поэтическихъ героевъ, и мы узнаемъ исходный пунктъ анархизма.

Эти и подобныя явленія—нерѣдко лишь послѣдствія мрачнаго настроенія, не вполне сознательнаго и не строго продуманнаго.

Но бессознательный пессимизмъ, внушаемый природными задатками темперамента, напр., меланхолическаго, элегическое созерцаніе міра, напр., въ виду господства въ немъ смерти, мрачный взглядъ на міръ и существующія отношенія, порождаемый чисто личными неудачами, невзгодами, бѣдствіями и горемъ, эгоистическимъ раздраженіемъ, временнымъ юношескимъ разочарованіемъ, болѣе позднимъ разочарованіемъ въ другихъ и въ самомъ себѣ, либо старческою брюзгливостію, пресыщеніемъ жизнью и мизантропіей, столь свойственное человѣку недовольство настоящимъ—все это явленія низшаго порядка по сравненію съ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ мрачнаго пошиба, основаннымъ прежде всего не на личныхъ скорбяхъ, а на высшихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ жизни лучшими людьми человѣчества. Не всякія жалобы на судьбу, бренность и ничтожество всего земнаго и не всякое отчаяніе запечатлѣны такимъ возвышеннымъ общимъ интересомъ. Что міръ нашъ не совершенъ, что жизнь въ немъ скоротечна, что онъ полонъ горя, что люди дурны, что жизнь ихъ суетна и ничтожна, такія наблюденія, вѣроятно, существовали и высказывались почти во всѣ вѣка человѣческой исторіи. Но эти наблюденія приобрѣтаютъ важность не сами по себѣ, а по тому положенію, какое удѣла-

ляется имъ въ общей системѣ міровоззрѣнія, и по тому выводу, который дѣлается изъ нихъ. Въ старой Индіи и въ Европѣ новаго времени эти извѣчныя и постоянно повторявшіяся наблюденія получили особую силу, были обобщены и возобладали въ особомъ міросозерцаніи. Въ западно-европейской литературѣ это скорбное міровоззрѣніе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка получило названіе „мировой скорби“ (Weltschmerz), а въ философіи и въ новѣйшей поэзіи сложилось въ цѣлую систему пессимизма.

Пессимизмъ—болѣе или менѣе осмысленное, систематическое недовольство тою жизнію въ цѣломъ, на которую обреченъ родъ людской, недовольство въ виду *преобладанія непреодолимаго зла* въ мірѣ, въ природѣ и въ человѣкѣ, постоянное и неутѣшное памятованіе о разладѣ дѣйствительности съ нашими стремленіями къ счастью и идеалами и оцѣнка жизни лишь въ предѣлахъ ближайшаго воспріятія этого разлада, внѣ идей о благомъ промыслѣ, цѣлесообразности міра, бессмертіи души и т. п.

Кто не знаетъ, что такое мрачное міровоззрѣніе, выступавшее по временамъ и ранѣе, въ нашемъ столѣтіи, отъ самаго его начала и до сего дня, является настоящею „болѣзнію вѣка“ и овладѣло нѣкоторыми могучими умами и талантами той самой Европы, которая, начиная со временъ эллинской образованности, являлась центромъ энергіи и неустаннаго движенія человѣчества впередъ—къ болѣе свѣтлому будущему?

Всякому образованному читателю извѣстны имена главныхъ поэтическихъ выразителей этого скорбнаго міросозерцанія въ нашемъ столѣтіи на Западѣ, а также представителей его въ философіи. Хотя все еще не возстановлено вполне обаяніе, какимъ пользовалась философія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нашего вѣка, но слова „пессимизмъ“, „оптимизмъ“ постоянно раздаются теперь въ кругу интеллигентнаго общества, и усиленно обсуждаются рѣшенія вопроса о томъ, что такое счастье, каковы условія его и т. п. Сколько разъ повторялись въ послѣднія десятилѣтія образованными читателями имена Шопенгауэра, Гартманна и Ницше! И какъ распространены подобныя безотрадные ученія повсюду, въ томъ числѣ и у нашихъ лучшихъ поэтовъ, начиная съ Лермонтова! Сколько грустныхъ нотъ у Тургенева! И сколько пессимизма въ иныхъ произведеніяхъ Достоевскаго! Элементы буддизма привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе у такихъ нашихъ поэтовъ, какъ гр. Л. Н. Толстой и Голенищевъ-Кутузовъ, недавно

увѣнчанный Пушкинскою преміею. Не упоминаю о поэтахъ второстепенныхъ, каковы Надсонъ, Минскій и др.

Не удивительно, что это видное теченіе современной мысли и чувства стало предметомъ ходячихъ фразъ и разговоровъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, публичныхъ чтеній и научныхъ разысканій. Противъ философовъ мрачнаго міровоззрѣнія выступаютъ и богословы, и философы-спеціалисты. Въ противовѣсъ пессимизму вновь сооружаются системы оптимизма, какова, напр., новѣйшая система Лорма.

Все это перечитывается и живо интересуется образованное общество. Къ сожалѣнію, далеко не многіе изъ интересующихся мрачною поэзію и философіею, цѣнителей, почитателей и критиковъ той и другой надлежаще разграничиваютъ различные роды пессимизма, который, напр., часто въ новой Европѣ рѣзко отличенъ отъ индійскаго; немногіе пытались уяснить причины и условія возникновенія подобныхъ отрицательныхъ явленій человѣческой мысли и чувства; далеко не многіе обращаются къ широкому сравнительно-историческому изученію ихъ, и не всѣ входятъ въ полную и всестороннюю оцѣнку пессимизма.

Для установленія правильнаго взгляда на явленія въ значительной степени важно знать ихъ происхожденіе. А между тѣмъ, вдумывались ли, напр., отчего пессимизмъ пустилъ такіе глубокіе корни въ Европѣ именно въ нашемъ столѣтіи и особливо въ наше время? Вѣдь чисто философскій генезисъ, основа и оцѣнка пессимизма еще не рѣшаютъ вопроса объ его судьбахъ въ тотъ или иной вѣкъ. Пессимизмъ принадлежитъ къ числу такихъ-же типичныхъ формъ дѣятельности человѣческаго духа, какъ и многія другія, неоднократно повторявшіяся въ исторіи, хотя и съ постоянными отмѣнами. Изъ индивидуальныхъ личностей однѣ обнаруживаютъ преимущественное влеченіе къ пессимизму, а другія не вникаютъ глубоко въ безотрадныя явленія, которыми полна жизнь, и всецѣло уходятъ въ сутолоку ея, либо не находятъ достаточныхъ основаній къ вполнѣ мрачному взгляду на міръ. Такое несходное либо противоположное отношеніе личностей къ жизни можно наилучше наблюдать въ поэтахъ. Вспомнимъ, что жизнь Сервантеса была полна невзгодъ, но авторъ Донъ-Кихота до конца сохранялъ доброе расположеніе духа, относился къ бѣдамъ съ геніальною легкостью и обладалъ способностью веселаго смѣха, свободнаго отъ всякой горечи. Крупнымъ талантомъ усматривать комизмъ людскихъ характеровъ и дѣяній былъ надѣленъ и Мольеръ; онъ испыталъ гораздо меньше

неудачъ въ своей жизни, чѣмъ Сервантесъ, и однако-же отнесся къ міру иначе, чѣмъ великій испанскій романистъ. Въ Англіи въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка одновременно подвизались на литературномъ поприщѣ и желчный Свифтъ, и свѣтло глядѣвшій на жизнь Эддисонъ. Но иногда не единичныя только личности, а цѣлые ряды ихъ охватываются мрачнымъ настроеніемъ, которое становится какъ-бы эпидеміею. Такого рода пессимизмомъ характеризуется новѣйшее время у насъ и на Западѣ, гдѣ, напр., недавно бывшій французскій министръ народнаго просвѣщенія Лейгъ въ надѣлавшей много шума рѣчи къ студентамъ призывалъ юношей, утратившихъ жизнерадостность, вернуться къ старой французской веселости и бороться съ пессимизмомъ, повѣявшимъ съ сѣвера.

Этотъ страшный недугъ, становясь повальнымъ, требуетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ оказываетъ огромное вліяніе на установленіе того или иного отношенія къ жизни и на рѣшеніе основныхъ вопросовъ, возникающихъ передъ каждою разумною личностію—вопросовъ о смыслѣ жизни. И помимо того, пессимизмъ представляетъ собою внушающее глубокой интересъ явленіе человѣческой мысли и чувства. Это лишь самая типичная, крайняя и болѣе или менѣе отчетливая формулировка мыслей и чувствованій, омрачавшихъ радость жизни человѣка не только со времени индійскихъ мудрецовъ, а уже съ первыхъ столкновеній стремленія человѣка къ счастію съ суровою дѣйствительностію и ея неумолимыми законами, изъ которыхъ иные навсегда останутся для насъ непреодолимыми силами и не вполне понятными велѣніями. Есть немало величій въ рѣчахъ Прометеевъ человѣческаго рода, гордыхъ титановъ, смѣло бросающихъ въ лицо судьбѣ горькіе упреки и не желающихъ мириться съ нашей неизменной долей. Намъ близокъ этотъ мятежный ропотъ и недовольство человѣка своей судьбой, надѣлившей его возвышенными помыслами и стремленіями и обрекающей это высшее изъ созданій на постоянную скорбь, а затѣмъ на гибель наравнѣ съ другими. Переносясь въ мотивы вдохновенія великихъ поэтовъ и мыслителей скорбнаго и мрачнаго міросозерцанія, мы и сами становимся выше. Есть много правды въ словахъ де-Мюссэ о томъ, что „ничто не дѣлаетъ насъ столь великими, какъ великая печаль“.

Эти величавыя движенія человѣческаго духа въ высокой степени интересны и глубоко затрогиваютъ наше сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ они очень трудны для анализа въ силу своей сложности и чрезвычайнаго разнообразія.

Въ виду того, я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе, мм. гг. и мм. г-ни, лишь на нѣкоторыхъ проявленіяхъ скорбнаго и мрачнаго міровоззрѣнія и предложить оныя классификаціи фактовъ исторіи этого міровоззрѣнія и пессимизма въ европейскихъ литературахъ. Предметомъ настоящаго изложенія будетъ не внѣшній, полный и послѣдовательный, перечень литературныхъ произведеній, въ которыхъ выразилась эта болѣзнь вѣка, а нѣкоторыя изъ тѣхъ обобщеній, какія, на нашъ взглядъ, можно вывести изъ многовѣковой ея исторіи, и діагнозъ ея послѣдняго фазиса.

Особый интересъ при этомъ могло бы представить выясненіе причинъ возникновенія пессимизма въ однѣ изъ эпохъ и отсутствія послѣдняго въ другія. Рѣшая вопросъ объ условіяхъ, приводящихъ къ расцвѣту и господству пессимизма въ извѣстныхъ эпохи, важно раскрывать не только генезисъ кабинетныхъ теорій пессимизма, но и обстоятельства широкаго распространенія его въ жизни.

Потому я сосредоточу вниманіе исключительно на поэтическомъ выраженіи пессимизма, важномъ не менѣе философскаго и также представляющемъ весьма цѣнный матеріаль для изслѣдованія. Поэзія, тѣсно вяжущаяся съ философіею, можетъ наилучше пособить внимательному наблюдателю и изслѣдователю въ открытіи источниковъ широкихъ культурныхъ теченій. Лучшіе изъ поэтовъ—дѣятели не кабинетной теоріи, съ которою можно расходиться на практикѣ, какъ расходился, напр., со своею системою Шопенгауэръ, столь искавшій благъ жизни, а люди многосторонней отзывчивости. Вслѣдствіе того, ихъ произведенія даютъ возможность изучать явленія въ ихъ глубоко-жизненномъ источникѣ и, равнымъ образомъ, наглядно показываютъ, до какихъ конечныхъ результатовъ доводитъ въ жизни то или иное міросозерцаніе.

Наибольшій интересъ для насъ можетъ представить генезисъ поэтическаго пессимизма, который наиболее къ намъ и по мѣсту, и по времени своего происхожденія, т. е. пессимизма западно-европейскаго. При этомъ преимущественнаго вниманія заслуживаютъ французскіе провозсвѣтники скорбнаго и мрачнаго міровоззрѣнія, потому что и въ этомъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ, французы явились завершителями литературнаго теченія, которое зарождалось и подготовлялось и въ другихъ странахъ, но въ общемъ развивалось тамъ не съ такою силою. Во французской поэтической литературѣ съ начала настоящаго

столѣтія можно прослѣдить непрерывное и послѣдовательное развитие пессимизма, какъ ни въ какой другой литературѣ нашего вѣка; тяжкіе вопросы и проблемы нашего существованія ставятся тамъ со всею неприкровенностью и съ полнымъ безстрашіемъ.

Итакъ, не касаясь пессимизма Востока, перейдемъ прямо къ европейскимъ видоизмѣненіямъ этого міровоззрѣнія.

II. Не справедливо утвержденіе, будто античное міросозерцаніе отличалось цѣльностью. Но все-таки надо признать, что отъ классической древности до насъ дошло въ полномъ видѣ лишь одно систематическое изложеніе пессимистической доктрины. Оно принадлежитъ эпикурейцу Люкрецію. Какъ поэтъ, Люкрецій можетъ быть названъ предкомъ нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ пессимистовъ XIX в. Вся его поэма „De natura rerum“ сосредоточивается на страданіяхъ челоуѣчества, на физическихъ и моральныхъ бѣдствіяхъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность челоуѣческой участи. Природа создана безъ примѣненія къ нашимъ выгодамъ, и мы подчиняемся тѣмъ-же законамъ, что и она. Ей присуща сила безсознательная, но непреодолимая; единственный атрибутъ ея—*воля къ жизни*. Это уже какъ бы безсознательное Гартманна. Присущее намъ психологическое зло Люкрецій выводилъ изъ той-же единой причины—„желанія жить“. Эпикурейство въ лицѣ Люкреція пришло, слѣдовательно, къ идеямъ о челоуѣкѣ, природѣ и Богѣ, которыя аналогичны идеямъ романтиковъ и Парнасцевъ нашего вѣка. Какъ сейчасъ было сказано, прямые продолжатели Люкреція въ поэзіи пессимизма явились только въ нашемъ столѣтіи; до XIX же в. новоевропейскій пессимизмъ не имѣлъ такого философски-отчетливаго и яркаго выраженія въ поэзіи.

А между тѣмъ, начала его восходятъ къ весьма отдаленному времени, ко времени паденія античнаго міросозерцанія.

Цѣльность древняго мышленія была разрушена, и въ немъ началось разобщеніе, когда возникъ разладъ между міромъ духа и міромъ чувственнымъ, при чемъ первый началъ казаться чѣмъ-то инымъ и болѣе шимъ, чѣмъ болѣе или менѣе понятная система явленій. Съ момента этого антагонизма, выступающаго въ философіи болѣе или менѣе отчетливо въ неоплатонизмѣ, и начинается зарожденіе того, что мы называемъ новымъ умомъ и новымъ міросозерцаніемъ. Но полному развитію пессимизма долго препятствовало христіанское воззрѣніе на міръ, достигшее господства въ послѣдніе вѣка Римской имперіи и въ столѣтія средневѣковья.

Въ вѣка бурь, ознаменовавшихъ окончательное, внѣшнее разрушеніе древняго міра и закладку новаго, сколько было поводовъ къ мрачному взгляду на жизнь! Но религіозная вѣра спасала отъ упадка духа и поддерживала бодрость, какъ укрѣпляла и Русь въ тяжкіе вѣка татарскаго ига. Знаменитый писатель того времени, блаженный Августинъ провозгласилъ уже чисто новый принципъ объ увѣренности, къ которой приводитъ интеллектуальное сомнѣніе, и въ сочиненіи о „Градѣ Божіемъ“ между прочимъ говорилъ о томъ, что всѣ крайности въ мірѣ, въ отдѣльности кажуціяся намъ противоположными добру, въ томъ числѣ и грѣхъ и страданіе, имѣютъ должное мѣсто во вселенной и соотвѣтственно тому являются элементами ея красоты.

Это ученіе составило основу поэтическаго и ортодоксальнаго религіознаго чувства новаго времени, но не подавляло также и элементовъ скорбнаго созерцанія, которые продолжали прозябать въ среднѣ вѣка на почвѣ Европы, — именно, въ дуализмѣ между чувственною сферою, плотью, и духомъ и въ антагонизмѣ между „этимъ“ свѣтомъ и „другимъ“, о которомъ постоянно напоминало тогдашнее религіозное ученіе. Въ новое время этотъ разладъ, мучительность котораго раскрыта въ *Pensées* Паскаля, въ „Фаустѣ“ Гёте и др., долженъ быть стать однимъ изъ главныхъ началъ пессимизма. Вспомнимъ слова Ницше: „мы всѣ похожи на деревья, корнями глубоко въ землю уходимъ, а вершинами къ небу тянемся“.

Великая скорбь средневѣковаго дуалистическаго созерцанія получала тогда и художественное выраженіе. Она не была однако диссонансомъ въ многомилліонномъ хорѣ голосовъ, славившихъ премудрость и благость Божію въ судьбахъ міра и человѣка.

Въ эпоху такъ называемаго Возрожденія поборники этого движенія одушевлялись горячею вѣрою въ жизнь, надеждами на обновленіе человѣческаго общества и культуры и съ молодою энергіею отдавались возстановленію культуры классической древности и водворенію гуманизма. На время тогда даже какъ будто ожили мечты о золотомъ вѣкѣ. Но на отдаленномъ фонѣ сразу началъ показываться силуэтъ меланхоли: Петрарка и Боккаччіо были уже знакомы, хотя не вполне, съ душевною скорбію, которая такъ развилась въ новое время.

Къ концу Возрожденія начинаютъ слышаться рѣзкіе голоса недовольства міромъ. Зло въ человѣческомъ обществѣ гуманисты приписывали преимущественно неразумію, и въ Германіи Эразмъ Роттердамскій

нарисоваль широкой кистью грандіозную картину универсальнаго господства глупости.

Выразительнѣе всего печальныя мысли, которыми заканчивалось Возрожденіе послѣ очарованія первыхъ его моментовъ, сказались въ Англіи, у націи, въ которой издавна была сильна склонность къ меланхолическому созерцанію, на родинѣ Байрона и не менѣе безпкойнаго и страстнаго, но еще болѣе возвышеннаго генія, создавшаго произведенія, носящія имя Шекспировыхъ.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается взглядъ на драму о Гэмлетѣ, какъ на трагедію пессимизма. И дѣйствительно, Датскій принцъ полонъ пессимизма, обусловленнаго и юношескимъ разочарованіемъ, и сомнѣніемъ, которое доходитъ до нигилизма и однако не увѣрено въ самомъ себѣ. За Гэмлетомъ остаются въ тѣни другія, быть можетъ, не менѣе рѣзкія проявленія пессимизма у Шекспира. Изъ совокупнаго разсмотрѣнія ихъ ясно, что не поэтическій только образъ Гэмлета, а самъ Шекспиръ былъ носителемъ пессимизма, и въ жизни великаго драматурга признають теперь цѣлый періодъ удручающаго пессимистическаго міровоззрѣнія. То было какъ бы грозное предвѣстіе мукъ міросозерцанія, долженствовавшаго вновь возникнуть, но еще съ большею силою, полтора вѣка спустя. У Шекспира же всѣ эти мрачныя диссонансы его міровоззрѣнія и поэзіи закончились примирительными аккордами послѣднихъ его драмъ, преимущественно „Бури“.

Но въ вѣкъ, когда заключилъ свою дѣятельность Шекспиръ, полное примиреніе противорѣчій, представляющихся уму новаго времени, было уже невозможно. Вопросъ о началѣ зла въ мірѣ живо интересовалъ XVII столѣтіе, хотя, согласно съ духомъ того вѣка, — преимущественно съ богословской точки зрѣнія. Въ „Потерянномъ Раѣ“ Мильтона явился представитель не скорбнаго, а могучаго пессимизма въ лицѣ Сатаны, который съ той поры не переставалъ выполнять роль орудія сомнѣнія и протеста въ поэзіи и постепенно очеловѣчился. Англійскій натурализмъ XVII в. сталъ затѣмъ однимъ изъ философскихъ первоисточниковъ новоевропейскаго пессимизма.

Въ другой передовой странѣ Европы, въ ортодоксально вѣровавшей Франціи XVII в., мысль еще не достигала въ общемъ свободы полета, отличающей англійскую литературу того вѣка. Но могучій умъ Паскаля, бывшаго одновременно и христіанскимъ подвижникомъ и философомъ, немало ныль въ мукахъ сомнѣнія, склоняясь къ пессимизму

во взглядѣ на существованіе, человѣка, чувство, волю и знаніе послѣд-
няго. Въ томъ же столѣтіи во Франціи показываются и иныя знаменія:
пробиваются начатки матеріализма въ воззрѣніяхъ Гассенди, уроки
котораго слушалъ Мольеръ. Послѣдній въ годы юности переводилъ
Люкреція. Оставаясь долго добродушнымъ созерцателемъ людской
глупости и неразумія, Мольеръ создалъ потомъ съ очевиднымъ со-
чувствіемъ образъ мизантропа, который, впрочемъ, не есть еще чело-
вѣконенавистникъ въ настоящемъ значеніи того слова. Другой знаме-
нитый Мольеровскій герой, Донъ-Жуанъ, вѣритъ въ весьма немногое
и глядитъ на міръ и людей съ наглымъ бравированіемъ.

Такъ XVII вѣкъ выдвинулъ уже нѣсколькихъ поэтовъ и писате-
лей, которые, хотя не были постоянными и систематичными пессими-
стами, все-таки дали волю пессимистическому настроенію въ нѣкото-
рыхъ изъ своихъ лучшихъ произведеній.

На рубежѣ XVII и XVIII вв. Бэйль уже съ успѣхомъ колебалъ
старыя вѣрованія; вѣра однако все еще была сильна и закрывала для
многихъ ту пропасть, какую уже открывало углубленіе наблюденія и
критическаго анализа. Равнымъ образомъ и разумъ въ чисто мета-
физическомъ созерцаніи и въ универсалистскомъ направленіи умо-
зрѣнія вѣрилъ еще въ свое величіе.

Мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ, какъ одно изъ преобладаю-
щихъ теченій, составляютъ отличительную черту новаго времени въ
Европѣ, начиная со второй половины XVIII в., со времени значитель-
наго потрясенія старой религіозной вѣры и разочарованія въ благахъ
пресловутаго просвѣщенія, при быстромъ движеніи знанія впередъ, съ
одной стороны, и крайняго развитія индивидуализма, съ другой.

Къ пессимизму приводили, кромѣ тогдашнихъ матеріалистическихъ
доктринъ, уже послѣднія философскія мнѣнія Вольтера, который при-
знавалъ, что есть Богъ, но этотъ Богъ дѣлаетъ насъ, неизвѣстно
почему, несчастными и злыми; Онъ совсѣмъ не обращаетъ на насъ
вниманія,—такъ мы ничтожны въ громадной вселенной.

Еще въ большей степени начинателемъ новѣйшаго пессимизма
явился Руссо. Какъ мрачно смотрѣлъ онъ на всю современную ему
культуру! Онъ не терялъ, впрочемъ, надежды на ея обновленіе и
возвращеніе золотого вѣка человѣчества. Идеаломъ для послѣдняго
Руссо ставилъ *l'homme naturel* и стремился обратить человѣчество къ
первобытной естественности, всецѣлый возвратъ къ которой однако не-
возможенъ, какъ несостоятельны были и грезы о ней, въ чемъ сознался

самъ Руссо. Полнаго зла во вселенной Руссо не усматривалъ; онъ не потерялъ также вѣры въ Высшее разумное существо. Такимъ образомъ, самъ Руссо не былъ настоящимъ пессимистомъ, но онъ впадалъ въ меланхолію, сталъ яркимъ выразителемъ индивидуализма и отрицательнаго отношенія къ обществу, намѣтилъ типъ разочарованнаго въ жизни человѣка и положилъ ему начало въ обыденной обстановкѣ.

Съ той поры, т. е. со второй половины XVIII в., и до нашихъ дней эта болѣзнь разочарованія и сомнѣнія росла и росла. Наиболѣе чуткіе и талантливые поэты всѣхъ передовыхъ странъ Запада одинъ за другимъ выражали и изображали эту болѣзнь, и такъ возникла обширная поэзія скорби существованія. Типъ вышедшихъ изъ колеи, неудачниковъ (*déclassés*) сталъ однимъ изъ обычныхъ типовъ новѣйшей романической литературы.

Первымъ послѣ „Гэмлета“ поэтическимъ произведеніемъ, отчетливо и широко выразившимъ новоевропейскій пессимизмъ, былъ романъ юнаго Гёте: „Страданія молодого Вертера“ (1774 г.). Здѣсь встрѣчаемся съ образомъ геніальной натуры, которая не можетъ примѣниться къ требованіямъ и пошлымъ идеаламъ общества. Гёте передалъ со всею страстностію молодого вдохновенія муки и печальный исходъ молодого энтузіаста, постепенно суживавшаго кругъ своего очарованія и упованій и не могшаго пережить крушенія послѣдней изъ этихъ надеждъ—надежды найти полную опору въ нѣжномъ сердцѣ обожаемой женщины. Вертеръ положилъ конецъ своимъ страданіямъ самоубійствомъ.

Мрачна также фигура другого выдающагося героя юношескаго творчества Гёте—Фауста. Фаустъ испытывалъ, между прочимъ, ужасное душевное раздвоеніе, и мы слышимъ изъ устъ его слѣдующую жалобу:

Ахъ, двѣ души живутъ въ больной груди моей,
 Другъ другу чуждыя,—и жаждутъ раздѣленья!
 Изъ нихъ одной мила земля—
 И здѣсь ей любо, въ этомъ мірѣ,
 Другой—небесныя поля,
 Гдѣ духи носятся въ эфирѣ.

Фауста снѣдало также недовольство нашимъ существованіемъ. Въ душѣ Вертера и Фауста поэтъ раскрылъ, такимъ образомъ, и съ ужасомъ созерцалъ самыя темныя и затаенныя пучины человѣческаго существа. Но въ концѣ великій нѣмецкій поэтъ обрѣлъ утѣ-

шительную увѣренность въ томъ, что въ міровой исторіи побѣждаетъ не злое начало — Мефистофель, а доброе, и Гёте побѣдоносно преодолѣлъ всю тьму земного горя, солнечнымъ свѣтомъ своего разума прозрѣлъ въ высшую разумность міра и провозгласилъ великое слово:

Am Sein erhalte dich beglückt!

Das Sein ist ewig, denn Gesetze

Bewahren die lebend'gen Schätze,

Aus denen sich das All geschmückt.

Такъ пришелъ Гёте къ оптимизму, проистекающему изъ радостнаго созерцанія жизни и ея вѣчныхъ законовъ, не взирая на скорби и страданія индивидуальныхъ существъ. Ясность духа, какой исполнился самъ, достигши примиренія съ жизнью, сообщилъ Гёте и Фаусту подь конецъ исторіи послѣдняго.

Вертеръ и Фаустъ были могучимъ поэтическимъ выраженіемъ „тоски творенія“ и того душевнаго состоянія, которое было воплощено затѣмъ поэтами послѣдующихъ поколѣній въ цѣломъ рядѣ скорбниковъ и мечтателей.

Бури великой французской революціи конца прошлаго вѣка произвели потрясеніе идей и вѣковыхъ устоевъ жизни, но ожиданія, сопряженныя съ этимъ, не сбылись, и западно-европейское общество вступило въ XIX вѣкъ съ разочарованіемъ въ осуществимости идеаловъ. Оттого неудовлетворенность, завѣщанная XVIII-мъ вѣкомъ, должна была усилиться въ нашемъ столѣтіи.

Господство такого настроенія было закрѣплено даже теоретически. Въ началѣ настоящаго вѣка *m-me de Staël* признала меланхолію существеннымъ условіемъ новѣйшей поэзіи.

Этому вѣянію поддавались и вѣрующіе и невѣрующіе.

Шатобріанъ въ началѣ XIX-го столѣтія былъ продолжателемъ Вертеризма и въ прозѣ предшественникомъ Байронизма, оставаясь христіаниномъ. Этотъ писатель былъ католикъ, начавшій свое писательство автобіографическимъ любовнымъ романомъ, основаннымъ на inceste, и вмѣстѣ скептикъ, оплакивавшій несчастіе жить. Уже Шатобріанъ страдалъ колебаніями и страстными душевными муками позднѣйшей поры нашего вѣка и вложилъ все это въ душу своего героя. Братъ Амеліи разочарованъ, отрицаетъ людское счастье и чувствуетъ безсиліе наполнить пустоту души. Въ концѣ *René* говорится: „Человѣкъ, ты — лишь быстрое сновидѣніе, скорбная мечта. Ты существуешь только по несчастію; ты составляешь что-нибудь, лишь благодаря печали

своей души и вѣчной меланхолии своей мысли“. Шатобрианъ жаловался на „безобразіе дней“ и воскликнулъ: „Я не интересуюсь ни-геній, трудъ и отдыхъ, удача и несчастіе. Я съ трудомъ влачу свою скуку вмѣстѣ со своими днями; я прихожу въ уныніе отъ существованія, и всюду во мнѣ является зѣвота отъ того, что я живу“.

Значеніе Шатобриана не исчерпывается владомъ, внесеннымъ имъ въ поэзію тоски. Онъ явился вмѣстѣ съ тѣмъ во французской литературѣ предвѣстникомъ того, что совершила реалистическая школа нашего времени. Ее связываетъ съ Шатобрианомъ Флоберъ, бывшій страстнымъ почитателемъ послѣдняго.

Шатобрианъ и Лямартинъ какъ-бы переводили оставшихся еще вѣрующими къ безутѣшной скорби. Еще болѣе было поэтовъ этой скорби среди людей, совсѣмъ утратившихъ вѣру.

Въ нашемъ столѣтіи явился цѣлый рядъ лириковъ, ставшихъ преемниками великаго римскаго эпикурейца: Леопарди, Байронъ, de Vigny, M-me Askermann и др. Въ ихъ произведеніяхъ ожили идеи Люкреція о мукѣ и тоскѣ жизни. Это не христіанскіе поэты, а поэты скорби, тоски и проклятія. Поэзія, а вмѣстѣ и философія ихъ, основана на особомъ отношеніи къ природѣ, къ которой не разъ уже человѣчество искало приближенія въ моменты крайняго извращенія коренныхъ устоевъ цивилизаціи и у которой искало отвѣта на томительные вопросы, когда усилія собственнаго разума рѣшить эти вопросы казались напрасными. Не Божество, а лишь эта природа Люкреція, внутренняя, но глухая и слѣпая, причина существованія, встаетъ предъ мысленнымъ взоромъ поэтовъ—пессимистовъ XIX в. и неизмѣнно отвѣчаетъ на ихъ размышленія о неизвѣстномъ: „Я подчинена Року, не умолимымъ законамъ; лишь слѣдствія этихъ законовъ на виду, а начала ихъ погружены во мракъ непроглядной ночи“. Изъ созерцанія этой природы поэты-пессимисты XIX в. выносятъ печаль и усталость, она восхищаетъ ихъ и вызываетъ негодованіе.

Леопарди развилъ стройное ученіе объ *infelicità*, начала котораго открываются у Люкреція, и первый изъ поэтовъ новаго времени изложилъ въ поэтической формѣ пессимистическое ученіе, приближающееся уже къ философской систематичности и довольно значающею отрѣшающееся отъ чисто личнаго элемента. Леопарди—прямымъ предшественникъ поэтовъ-пессимистовъ второй половины XIX в. Другіе поэты скорбнаго міровоззрѣнія первой половины нашего столѣтія еще не были свободны отъ субъективнаго лиризма.

Величайшій изъ „поэтовъ личности“ Байронъ собралъ въ своей поэзіи цѣлый рядъ мотивовъ скорби и отрицанія. Онъ довелъ до громадныхъ размѣровъ печальное раздумье Гамлета надъ тайною жизни и страстный протестъ Мильтонова Сатаны; онъ былъ также талантливѣйшимъ продолжателемъ Руссо и Шатобріана. Онъ былъ настоящимъ начинателемъ такъ наз. „міровой скорби“. Жизнь его согласовалась съ его поэзіею. Поэтъ гордыхъ порывовъ Чайльдъ Гарольда, насмѣшливаго невѣрія Донъ-Жуана и мрачнаго отчаянія Манфреда былъ полонъ презрительнаго отношенія къ людямъ, гордился своимъ обособленіемъ, и жизнь его протекла въ буряхъ и изгнанничествѣ.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ послѣдователей Байрона во Франціи, Альфредъ де-Мюссэ въ „Confession d'un enfant du siècle“ проанализовалъ съ глубою искренностію и откровенностію умственную и нравственную болѣзнь своего времени, возводя ее преимущественно къ событіямъ французской исторіи конца прошлаго вѣка и начала настоящаго, къ 1793 и 1814 гг., что вполне понятно во французѣ. А. de Musset писалъ:

Il n'est que trop facile, à qui sait regarder,
De comprendre pourquoi tout est malade en France:
Le mal des gens d'esprit, c'est leur indifférence;
Celui des gens de coeur, leur inutilité.

Эта болѣзнь сомнѣнія, гордаго безсилія, скуки, душевной пустоты, угрюмага бездѣлья и отчаянія была обща всему поколѣнію времени, слѣдовавшаго за Наполеоновскимъ. Романтическіе скорбники и мечтатели у Шатобріана, Байрона, А. де-Мюссэ, де-Виньи не обрѣтаютъ мира и счастья ни въ чемъ; наслажденія, испытываемыя ими, не приносятъ удовлетворенія ихъ ненасытнымъ желаніямъ и безпокойному сердцу; оттуда неизлѣчимость ихъ болѣзни.

Такимъ образомъ, скорбное и мрачное настроеніе въ поэзіи первыхъ десятилѣтій нашего вѣка сливалось съ такъ называемой романтикой. Какъ и вся романтика, оно было энтузіастично. Романтики нерѣдко рисовались своею печалью и какъ бы находили въ ней удовольствіе. То подготовлялось издавна; напр., уже Паскаль въ сознаніи людьми своихъ несчастій усматривалъ величіе человѣка.

Средневѣковую романтику въ XIV—XVI вв. смѣнялъ почти всюду реализмъ въ литературѣ. Подобный же поворотъ представила и литературная эволюція нашего вѣка. Уже въ началѣ 40-хъ годовъ Сентъ-Бэвъ провозгласилъ конецъ роматизма. На смѣну романтиче-

скихъ химеръ выступило стремленіе къ трезвости, къ исканію точнаго объясненія явленій въ фактахъ, какъ единственной прочной основѣ сужденія. Началось усиленное наблюденіе и изученіе реальныхъ явленій. Позитивизмъ въ наукѣ, реализмъ и матеріализмъ должны были отразиться и въ поэзіи. Въ ней усилился скептицизмъ. Взамѣнъ романтическаго разочарованія и безочарованія выступилъ пессимизмъ натуралистическій. Онъ во многомъ имѣлъ отношеніе къ романтическому, но заключалъ въ себѣ также и новые элементы.

Въ наиболѣе яркомъ видѣ эта фаза поэтическаго пессимизма предстаетъ во французской поэзіи второй половины нашего вѣка. „Болѣзнь вѣка“, наполнявшая скорбію сердца романтиковъ, продолжаетъ существовать и теперь, но она скрывается подъ кажущеюся холодностію позитивизма. Вмѣсто меланхоликовъ теперь въ лирикѣ выступаютъ унылые, но безропотные пессимисты. По ихъ мнѣнію, зло человѣка обусловлено непокойною и ненасытною его натурою, снѣдающими его желаніями и скорбями и растетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей; вмѣстѣ съ послѣднею увеличиваются и гнетущія человѣка несчастія. Равнымъ образомъ и все суетно. Въ этой поэзіи ожили предсказанія касательно конечной гибели міра, впервые высказанныя за много вѣковъ до насъ.

Значительнѣйшими представителями этой лирики во Франціи явились прежде всего *m-me Askermann* и *Leconte de Lisle*.

Луиза Аккерманнъ, урожденная *Chuquet*, была замѣчательная, высоко даровитая женщина. Не всѣ ея произведенія полны отчаянія. Въ своихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ *m-me Askermann* боролась и за идеалы, ратуя противъ кровавыхъ войнъ, смертной казни, безнравственной любви и противъ всего вообще, что препятствуетъ прогрессу, но особенно сильны у этой поэтессы пессимистическія ноты. Наклонность къ пессимизму пробивалась въ *m-me Askermann* уже до знакомства съ ученіемъ Шопенгауэра, но достигла преобладанія особенно съ злосчастнаго 1871 г. Въ глубинѣ души *m-me Askermann* таилась мысль, что зло не можетъ быть вполнѣ побѣждено и искоренено, и что, напротивъ, господство его будетъ расширяться; человѣкъ, живое воплощеніе всего жалкаго въ мірѣ, все болѣе удаляется отъ идеаловъ, о которыхъ грезилъ, и приближается къ моральному и физическому гніенію.

У *Леонта де-Лиль* идеи Люкреція предстаютъ въ могучей красотѣ и вмѣстѣ съ дикою силой. Земля полна злыхъ дѣяній, безчи-

сленныхъ бѣдъ и скорбей; челоѳчество— „нечистое стадо“, вѣчно рвущееся къ наслажденію и впадающее въ преступленія.

Продолжателями Леконта де-Лиль явились лирики младшей генерации, эрудиціонные поэты, сравнительно мало читаемые въ массахъ, какъ не былъ широко популяренъ и Леконтъ де-Лиль.

Болѣе могучимъ по воздѣйствию на массы выразителемъ пессимизма сталъ романъ второй половины нашего вѣка, который вообще является господствующимъ теперь родомъ литературы.

Особливо укоренился пессимизмъ въ такъ называемомъ натуралистическомъ романѣ, такъ какъ крайній реализмъ въ искусствѣ самъ по себѣ уже предрасполагаетъ къ не особенно свѣтлымъ картинамъ жизни.

Уже у начинателя новѣйшаго французскаго реализма, Флобера, автора „*M-me Bovary*“, сказывалось утвержденіе нашего ничтожества, уныніе напрасныхъ усилій, чувство бесполезности всего, отрицаніе челоѳческаго счастья, горечь и иронія. „Нѣтъ нужды“, говорится въ „*Tentation de saint Antoine*“, обладать радостями, чтобы чувствовать ихъ горечь. Ничего болѣе не надо, какъ только посмотрѣть на нихъ издали, и васъ охватываетъ отвращеніе“.

Не безъ вліянія Флобера получили паправленіе таланты Daudet, Zola, Maupassant-a, Loti и др.

Золя—даровитѣйшій и значительнѣйшій представитель пессимизма въ современномъ романѣ. Послѣ Флобера въ сферѣ художественнаго творчества онъ сталъ однимъ изъ первыхъ вождей того культа естественнаго челоѳка и натурализма, который развился по преимуществу во Франціи во второй половинѣ нашего вѣка, смѣнивъ собою страстные и возвышенные порывы романтизма.

Золя задумалъ сообщить своимъ широкимъ картинамъ соціальной жизни научное значеніе и въ своемъ трактатѣ объ экспериментальномъ романѣ постоянно говоритъ о „*méthode scientifique, le sens du réel, la vérité*“ и т. п., возмнивъ, что лишь натуралистическая литература обладаетъ всѣмъ этимъ. На дѣлѣ однако натурализмъ Золя и его послѣдователей не можетъ назваться точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности: создавъ немало отдѣльныхъ прекрасныхъ картинъ и эпизодовъ, онъ страждетъ все-таки одностороннимъ воспріятіемъ жизни, напр.,—со стороны явленій, которыя Золя объясняетъ согласно съ учебниками патологіи и фізіологіи.

По взгляду Золя, „жалкое, злополучное челоѳчество“ „обязано своими рѣдкими мгновеніями блаженства вѣковѣчному обману“.

Авторъ противопоставляетъ „мистическому экстазу“ права „плоти, вопіюющей о возмездіи“, „всемогущество, непоколебимые законы жизни, трена любовь. „Любить другъ друга, принадлежать другъ другу вопреки всѣмъ препятствіямъ, жить и служить къ продолженію жизни, не къ этому-ли сводится единственная цѣль природы, помимо всякихъ общественныхъ и религіозныхъ преградъ?..“

Но должно замѣтить, что, начиная съ романа „La Terre“, Золя какъ будто нѣсколько сворачиваетъ въ сторону отъ своего прямолинейнаго натуралистическаго пессимизма.

III. Еще болѣе замѣтенъ и характернѣе такой поворотъ въ дѣятеляхъ французской литературы, выступившихъ въ 80-хъ годахъ нашего вѣка.

Изъ нихъ однимъ изъ самыхъ видныхъ выразителей и завершителей новѣйшаго натурализма и вмѣстѣ пессимизма въ поэзи можетъ быть названъ скончавшійся въ половинѣ 1893 года Guy de Maupassant.

Слава его такъ велика, что сдѣлалась даже предметомъ анекдотовъ, и недавно Бурже призывалъ соотечественниковъ къ сооруженію національнаго памятника ему.

И на нашъ взглядъ, изъ современныхъ французскихъ писателей de Maupassant представляетъ особенный интересъ. Это—„настоящій, полный и чистый реалистъ“,—характернѣйшій изъ современныхъ французскихъ реалистовъ въ силу полной беззастѣнчивости, а иногда даже и безстыдства своихъ картинъ, за которое Lemaitre сравнилъ Maupassant-а съ лѣснымъ сатиромъ, а также въ силу полной индивидуальности и искренности, составляющей огромную заслугу Мопассана въ глазахъ изслѣдователя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мопассанъ и лучшій въ ряду писателей натуралистическаго направленія, благодаря крупному своему поэтическому таланту и тому, что онъ болѣе всѣхъ другихъ реалистовъ лелѣялъ высокій литературный идеалъ и наиболѣе заботился о художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній. Научныя теоріи не предрѣшали и не подавляли творчества Мопассана. Всѣмъ этимъ онъ сталъ выше Золя, изъ круга послѣдователей котораго выступилъ въ 1888 году, т. е. со времени выхода въ свѣтъ романа Золя „La Terre“.

Въ ряду современныхъ французскихъ беллетристовъ Мопассанъ принадлежалъ къ писателямъ, которые наиболѣе могли будить мысль количествомъ и постановкой прямо затрогиваемыхъ вопросовъ, либо такихъ, на которые наводятъ во множествѣ нарисованныхъ имъ кар-

тины жизни. Изъ современныхъ пессимистовъ-натуралистовъ Мопассанъ — наиболее пылкій, послѣдовательный въ жизни и дѣятельности и наиболее глубокий. Онъ ярче другихъ выказалъ весь разладъ души современнаго образованнаго человѣка, выросшаго въ средѣ, гдѣ вполне расшатаны вѣковые устои жизни. Онъ сказалъ послѣднее слово душевной болѣзни нашего вѣка въ томъ ея фазисѣ, когда она еще не подавляетъ ума и добрыхъ влеченій сердца. Послѣдняя эволюція этой болѣзни обнаружилась въ Мопассанѣ многостороннѣе, шире и яснѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, благодаря крайней подвижности, воспріимчивости и отзывчивости его натуры, дошедшей въ концѣ даже до болѣзненной чувствительности, о которой онъ самъ говоритъ такъ ясно въ „*Le vie errante*“. Это одновременно и Боккаччіо, и Вертеръ XIX в. Мопассанъ характеризуетъ собою какъ нельзя лучше весь кризисъ извращенной культуры нашего времени, нашедшей въ немъ своего Руссо, и весь трагизмъ натурализма и связаннаго съ нимъ пессимизма: и тотъ и другой становится ужасно печальнымъ въ передачѣ Мопассана. Наконецъ, Мопассанъ знакомитъ насъ какъ нельзя лучше съ причинами того утомленія, какое испытываютъ богато одаренныя личности, искавшія удовлетворенія лишь въ такъ называемыхъ естественныхъ инстинктахъ и пресыщенныя жизнью. Онъ послужилъ однимъ изъ поучительныхъ примѣровъ того, до какой ужасающей бездны доводитъ полный разрывъ съ крѣпкими руководительными началами, которыя установлены вѣковымъ трудомъ лучшихъ людей человѣчества.

Мопассанъ, какъ и Флоберъ, родился въ Нормандіи, — слѣдовательно, въ странѣ, въ населеніи которой слилась подвижная натура кельта съ вдумчивой натурой германца. И Мопассанъ какъ-бы совмѣстилъ въ себѣ наблюдательность, веселость, игривость, фривольность, насмѣшливость, иронію, словомъ то, что называютъ *esprit gaulois*, и что сообщало особую прелесть средневѣковымъ *fabliaux*, *contes* Ляфонтена и Вольтера, съ меланхоліею германца, способною доходить до пессимизма, въ какой погрузился-было на время свѣтлый и могучій духъ Шекспира. Замѣтимъ, что Мопассанъ уже съ 15 лѣтъ думалъ о смерти, что можетъ объяснить многое въ его міросозерцаніи.

Литературное направленіе Мопассана выработалось преимущественно подъ вліяніемъ его крестнаго отца, Флобера. Посвящая Флоберу свои первыя произведенія — „*Des Vers*“, Мопассанъ назвалъ его

„славнымъ, относящимся по-отечески и любимымъ со всею нѣжностью другомъ“ и „безупречнымъ наставникомъ, внушающимъ удивленіе предпочтительно передъ всѣми“. Какіе уроки Мопассанъ получалъ отъ Флобера, можно видѣть хотя-бы изъ посланія Флобера къ автору „Des Vers“, его „дорогому доброму малому“ (bonhomme), какъ называетъ Флоберъ Мопассана. По вопросу о морали, который естественно поднимался при чтеніи не всегда пристойныхъ стихотвореній Мопассана, принятыхъ Флоберомъ подъ свое покровительство, литературный учитель заявилъ, что „то, что прекрасно, то и морально,— вотъ и все“. Флоберъ привелъ при этомъ замѣчаніе Лябрюйера: „весь умъ автора состоитъ въ томъ, чтобы хорошо опредѣлять и хорошо изобрѣтать“, и вложилъ въ уста Мопассану оправдательный вопросъ: „въ чемъ-же состоитъ преступленіе проповѣдующаго культъ женщины?“ Въ концѣ Флоберъ отозвался съ ироніей о „великой партіи порядка“, о власти и о томъ, что, какова бы ни была форма правленія, оффиціальная эстетика не измѣняется. „У земли есть границы, заключилъ Флоберъ, но глупость человѣческая безгранична“. Такимъ образомъ, первое побужденіе къ пессимизму Мопассанъ могъ воспріять отъ этого своего литературнаго учителя.

Но къ пессимизму могла располагать молодого писателя и вся обстановка, среди которой онъ выросъ.

Франція является теперь страной, изобилующей болѣе всякой другой всевозможными экстравагантностями и неожиданностями. Французская жизнь второй половины нашего вѣка проходитъ въ постоянномъ и рѣзкомъ столкновеніи политическихъ и моральныхъ теченій, влекущихъ въ разныя, часто противоположныя, стороны; рядомъ со средневѣковою католическою набожностію, ведущею въ Лурдъ, царятъ скептицизмъ, отрицаніе, матеріализмъ и полная расшатанность нравовъ. Кромѣ горячаго національнаго чувства, въ остальномъ устойчивости мало. Правда, порядокъ не нарушается отъ того, жизнь разнообразна и кипуча, но сами французы называютъ иногда свою цивилизацію „чрезмѣрной“.

Поэтъ, вырастающій въ такой средѣ и избирающій ее предметомъ наблюденія, если даровитъ и склоненъ къ вдумчивости, чаще наталкивается на величайшія проблемы духовной жизни человѣка и общежитія и находится въ болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ поэтъ иныхъ странъ. Онъ вынесетъ изъ созерцанія безотрадной дѣйствительности много горечи и мало положительныхъ вдохновляющихъ наблюденій.

Въ такомъ положеніи очутился, подобно многимъ другимъ своимъ сверстникамъ, и Мопассанъ, юность котораго совпала вдобавокъ съ временемъ страшнаго потрясенія, испытаннаго Францією во время разгрома 1870 и 1871 гг. и послѣ того.

Отправившись отъ всѣхъ этихъ воздѣйствій, Мопассанъ весьма сознательно и скоро опредѣлилъ свое литературное призваніе и отношеніе къ предыдущимъ писателямъ родной страны.

Онъ призналъ, напр., великимъ поэтомъ Леконта де-Лиль, де-Мюссэ же считалъ поэтомъ молодыхъ людей. Онъ впиталъ въ себя отрицательныя мысли корифеевъ XVIII в., Вольтера и Руссо, идеи безвѣрія и отрицанія цивилизаціи.

Повидимому, Мопассанъ не остался свободенъ и отъ той моральной заразы, ядъ которой обильно разлитъ въ извѣстномъ цѣломъ отдѣлѣ французской литературы прошлаго вѣка и настоящаго, а также предыдущихъ. Мопассанъ выступилъ на литературномъ поприщѣ прежде всего съ эротическими поэмами въ духѣ этой литературы, да и въ послѣдующее время постоянно являлся артистическимъ изобразителемъ всѣхъ тревогъ, вносимыхъ въ пылкую и страстную душу любовію.

Но инстинкты великаго поэтическаго дарованія не позволили Мопассану закружиться въ омутѣ разгула. Онъ не погрязъ также въ тинѣ узкихъ интересовъ чиновничества, къ которому принадлежалъ въ некоторое время по своему служебному положенію. Онъ какъ бы поднимался надъ жизнью, среди которой приходилось ему бывать, и какъ бы глядѣлъ на нее изъ нѣкотораго отдаленія. Онъ велъ жизнь довольно уединенную и замкнутую, уходилъ въ себя отъ свѣта и друзей, и свѣтъ мало зналъ объ его интимной жизни. Грустная натура его не находила полнаго утѣшенія ни въ чемъ. „Всякая радость здѣсь всегда неполна“, читаемъ уже въ одномъ изъ первыхъ произведеній Мопассана: „счастіе длится лишь моментъ“. И не удивительно, что Мопассанъ подъ конецъ своей жизни любилъ подолгу странствовать, велъ „la vie errante“. Жизнь занимала его не только въ опредѣленныхъ, разъ отмежеванныхъ явленіяхъ, но и въ ихъ широкомъ сцѣпленіи и цѣломъ ихъ рядѣ.

Мопассанъ занялся изученіемъ жизни и рѣшеніемъ ея загадки. Первымъ источникомъ и вдохновителемъ поэта Мопассанъ, какъ и всѣ реалисты, считалъ наблюденіе и непосредственное воспріятіе. Онъ созерцалъ жизнь и людей во всѣхъ сферахъ, начиная съ Парижскихъ салоновъ, мастерскихъ художниковъ, обиталищъ поэтовъ, Парижскихъ

бульваровъ и кофеенъ, модныхъ купаній и заведеній минеральныхъ водъ, игорныхъ домовъ и оканчивая деревенскими судами, тавернами и палатками кочевниковъ африканскихъ степей; онъ наблюдалъ на всемъ протяженіи Франціи отъ городовъ и деревень Нормандіи до Провансальскаго юга включительно, и въ другихъ странахъ, напр., въ Алжирѣ. Предметами его анализа были люди самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній: государственные дѣятели — члены палаты депутатовъ, организаторы обширныхъ финансовыхъ предпріятій, профессоры, медики, художники, Нормандскіе или Парижскіе буржуа, собственники, чиновники, сельское духовенство, моряки, крестьяне Нормандіи и южныхъ областей, деревенскіе батраки и служанки и т. п. Мопассанъ оказался однимъ изъ самыхъ остроумныхъ и внимательныхъ наблюдателей. То, что онъ замѣчалъ, онъ воспроизводилъ въ формѣ романовъ, но, преимущественно, въ болѣе сжатой рамкѣ рассказцевъ-contes и новеллъ, въ которыхъ считается особымъ мастеромъ. Уловленное тонкою воспримчивостью Мопассана отливало въ пластическую форму, съ большою долею мастерства даже въ обрисовкѣ грубыхъ сценъ.

Въ цѣломъ рядѣ романовъ, новеллъ, рассказовъ, стихотвореній, драмъ и путевыхъ замѣтокъ Мопассана, кромѣ самыхъ изображеній жизни Франціи и странъ, по которымъ онъ путешествовалъ, для насъ интересна та мысль, которая сопровождала повѣствованія и описанія Мопассана и постоянно сквозитъ черезъ рассказъ, составляя его душу. Скорбный процессъ развитія этой мысли глубоко поучителенъ.

Началь Мопассанъ, по выраженію Lemaitre-а съ „философіи самой прямой и самой отрицательной, съ чистаго нигилизма“.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Мопассанъ выказываетъ себя послѣдователемъ натурализма, не вполнѣ отрѣшеннаго отъ жизнерадостности, хотя, преимущественно, — въ одномъ направленіи: онъ обработывалъ съ любовью тѣ самыя эротическія темы, которыхъ касался и во многихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, и съ тою-же беззащитностью. Зачатки пессимизма сказывались пока лишь въ общемъ взглядѣ на человѣка и на тѣ радости, которыя скрашиваютъ ничтожество существованія. Уже тогда Мопассанъ былъ пессимистомъ, потому что останавливался на неизмѣннѣйшемъ и печальнѣйшемъ изъ утѣшеній — чувственности. Въ заключеніи „Propos des rues“ Мопассанъ замѣтилъ о герояхъ этого рассказа: „И у нихъ, по словамъ ученыхъ священниковъ, есть душа! И если представляютъ доказательство, изъ кото-

раго съ увѣренностію можно усматривать, что Богъ, при созданіи человѣка, поставилъ его выше животнаго, то оно состоитъ въ томъ, что Богъ вложилъ въ голову человѣка возвышенную мысль, и этотъ благородный умъ постоянно прогрессируетъ. Но вотъ во все время, въ которое существуетъ этотъ старый міръ, глупость держится упорно. Еслибы мое сердце колебалось въ выборѣ между человѣкомъ и тельникомъ, мой умъ хорошо зналъ-бы, какой сдѣлать выборъ, ибо я не понимаю, училищные сторожа, какъ можно предпочитать глупость говорящую глупости молчащей“.

Что подобныя замѣчанія проистекали изъ пессимизма, опредѣленно слагавшагося уже въ годы молодости Мопассана, видно и изъ первыхъ произведеній его въ прозѣ. Тотъ, кто сочтетъ пессимизмъ послѣднихъ произведеній Мопассана слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія его духа въ годы передъ роковой катастрофой, закончившей его жизнь, допустить ошибку и крупную несправедливость. Мопассанъ сталъ пессимистомъ уже въ годы цвѣтущей молодости, когда онъ не былъ еще истомленъ усиленнымъ трудомъ и не вполнѣ правильною жизнью, и когда онъ не прибѣгалъ еще къ кофеину и ээиру, разстроившимъ его силы впослѣдствіи.

Уже въ разсказѣ „Voulez-vous“, положившемъ начало славы Мопассана, авторъ въ духѣ Вольтера отмѣчалъ проявленія „грубой и жестокой безсознательной силы“, разрушающей иногда все, что охраняли законы людскіе или законы природы. „Землетрясеніе, погребаящее подъ развалинами домовъ цѣлыя поселенія, рѣка, вышедшая изъ береговъ и несущая въ своихъ волнахъ утонувшихъ крестьянъ вмѣстѣ съ трупами быковъ и балками размытыхъ крышъ, или побѣдоносная армія, избивающая людей защищающихся, а остальныхъ влекущая въ плѣнъ, грабящая во имя права сабли, возносящая благодарственные молитвы къ Богу при грохотѣ пушекъ—все это страшные бичи, подрывающіе вѣру въ вѣчную справедливость и во внушаемое намъ довѣріе къ покровительству неба и къ силѣ человѣческаго разума“. Противъ этихъ бѣдъ „тщетны вся мудрость и всѣ усилія людей“. Въ этомъ замѣчаніи уже слышится противохристіанскій безнадежный пессимизмъ, и просвѣчиваетъ ближайшій источникъ послѣдняго—бѣдствія, пережитыя Франціею въ 1870 и 1871 гг. и оставившія глубокой слѣдъ въ умахъ молодежи того времени, къ которой принадлежалъ и Мопассанъ.

На первыхъ порахъ однако пессимизмъ Мопассана не высту-

паль такъ рѣзко, какъ впоследствии. Онъ проскальзывалъ лишь въ тѣхъ или иныхъ, сдѣланныхъ какъ будто невзначай, вставкахъ пестической и по временамъ иронической обрисовкѣ личностей, которыя представляли со всѣмъ своимъ эгоизмомъ и другими неприглядными качествами своей натуры. Таковы, напр., въ „*Boule de suif*“ „честные подлецы“, сначала принесшіе героиню разсказа „въ жертву, а потомъ отбросившіе ее, какъ грязную, бесполезную вещь“, аристократы и аристократки, буржуа-капиталисты, монахини и также представитель демократіи; въ наиболѣе симпатичной обрисовкѣ является героиня разсказа.

Но, несмотря на то, что свѣтъ полонъ нехорошихъ людей, въ первое время творчества Мопассана жизнь не казалась еще ему безусловно скверной: „Жизнь, видите, не такъ хороша и не такъ дурна, какъ думаютъ“, читаемъ въ концѣ перваго Мопассанова романа „*Une Vie*“.

Принявшись за воспроизведеніе человѣческой натуры и ея жизни съ точки зрѣнія натуралистическихъ воззрѣній и оттѣняя господство инстинктовъ въ человѣкѣ, Мопассанъ особенно часто останавливался на изображеніи всевозможныхъ любовныхъ отношеній, видоизмѣняя на самые разнообразныя лады эту тему, столь благодарную и привлекательную для поэта натурализма. Мопассанъ явился пѣвцомъ и проповѣдникомъ любви, но по преимуществу — чисто французской.

Съ годами разработка этой основной темы становилась шире, прибавлялись новые сюжеты, и тонъ творчества Мопассана звучалъ грустнѣе и грустнѣе. Мопассанъ не разъ говорилъ теперь о мучительности одиночества, о томъ, какъ и въ поздніе годы хочется жить всею жизнью кипучей молодости, вспоминаются ея радости, „вдыхаешь въ себя ароматъ старыхъ цвѣтовъ и молодыхъ лѣтъ“, но послѣднія оказываются невозвратными, и т. п. Постепенно разсѣивались тѣ немногіе миражи, которые плѣняютъ воображеніе молодости, и грезы, чарующія юное и наивное сердце, а вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе стало обнаруживаться пессимистическое міросозерцаніе Мопассана.

Съ перваго взгляда оно можетъ казаться не совсѣмъ мрачнымъ. Мопассанъ заявилъ, что онъ любитъ землю, какъ любятъ всѣ животныя существа; вѣдь въ немъ, по его словамъ, трепетали „всѣ инстинкты и всѣ смутныя вожделѣнія низшихъ тварей“. Онъ любилъ землю, „не восхищаясь ею, не поэтизируя и не превознося ее. Я лю-

блю, говорилъ онъ, животною и глубокою любовью, презрѣнною и въ то же время священной,—люблю все, что живетъ, все, что мыслить, все, что у меня передъ глазами. Все это, не возмущая моего духа, волнуетъ мои взоры и мое сердце: все—дни, ночи, рѣки, моря, бури, лѣса, зори, взглядъ и тѣло женщины“. Но не должно забывать, что эпикуреизмъ и пессимизмъ нерѣдко сходятся.

Соотвѣтственно отреченію отъ идеализаціи и уравниенію себя со всѣмъ живущимъ, Мопассанъ изображалъ и человѣка, какъ животное. Главная заслуга Мопассана заключается въ безпощадномъ анализѣ и разоблаченіи естественныхъ—животныхъ—мотивовъ дѣйствій людей всѣхъ слоевъ общества, въ ясной, точной и вмѣстѣ вполнѣ художественной обрисовкѣ ихъ характеровъ, находящихся во власти инстинктовъ и естественныхъ влеченій, и въ указаніи отношенія дѣйствій человѣка къ темпераменту, складу общественной жизни и социальнымъ условіямъ.

Встрѣчаются по временамъ въ творествѣ Мопассана и болѣе или менѣе свѣтлыя и симпатичныя личности, каковы, напр., m-lle Perle или героиня романа „Une vie“, но онѣ несчастны, потому что добрыя качества ихъ не устраняютъ промаховъ и недостатковъ, либо условія жизни и другіе люди явились препоною ихъ счастью.

Въ общемъ Мопассанъ смотрѣлъ на человѣка, какъ на „*créature inférieure*“, и такою низшею тварью представлялся ему человѣкъ и въ тѣ моменты, когда принимаетъ роль возвышеннаго созданія. Въ какомъ жалкомъ видѣ предстаетъ человѣческое общество у Мопассана! Характеровъ высшей культуры не видимъ у него.

Индивидъ неповиненъ въ своихъ дѣяніяхъ, которыя обуславливаются врожденными влеченіями, постороннимъ воздѣйствіемъ и обстоятельствами.

Вообще люди—животныя, „похожія на живые механизмы,—съ ихъ неизмѣнными инстинктами, передаваемыми изъ рода въ родъ“. Въ человѣкѣ дѣйствуютъ часто инстинктивныя силы, которыхъ не въ состояніи подавить ничто, даже вѣра, какъ, напр., не подавила ихъ въ аббатѣ Вилльбуа. Личность человѣка какъ бы раздвояется, потому что „сердце имѣетъ свои резоны, которыхъ не знаетъ разумъ“, говорится въ *Musotte*; въ этихъ случаяхъ какъ бы остается искать руководительныхъ началъ въ добрыхъ инстинктахъ нашего сердца.

Среда заѣдаетъ натуры, прекрасныя въ своихъ задаткахъ. Она доводитъ до слѣдованія по материнской дорогѣ Иветту, она толкаетъ

честныхъ дѣвушекъ на печальный путь. Личности неповинныя гибнуть, становясь жертвой низкихъ страстей, эгоистическихъ влеченій и т. п., какъ, напр., дѣвочка Рокъ. Чѣмъ виновать Mons. Parent въ разрушеніи своего семейнаго счастья, а вмѣстѣ и счастья всей своей жизни? И т. п.

Въ обществѣ всюду борьба за существованіе, гоньба за деньгами, властью и удовольствіями.

Дѣлаютъ ли что-нибудь государство и общество съ лелѣемою ими культурою въ предотвращеніе, устраненіе либо облегченіе золъ жизни? Нѣтъ, они споспѣшествуютъ преступленіямъ противъ естественныхъ правъ личности, освящая закономъ вредные обычаи, либо оказываются бессильными. Такой взглядъ Мопассана на государство и общество напоминаетъ отрицательныя идеи Руссо.

Общественный складъ, установившіяся его нормы убиваютъ возможность счастья лицъ, которыя такъ близки къ послѣднему по задаткамъ своей натуры, либо по своему положенію. Лучшія стороны и влеченія человѣческой природы терпятъ стѣсненіе въ своемъ развитіи въ хорошую сторону. Это сказывается, напр., въ закрѣпленіи государствомъ браковъ и, слѣдовательно, въ поддержкѣ печальнѣйшихъ явленій, которыми сплошь да рядомъ характеризуются взаимныя принудительныя отношенія мужа и жены въ интеллигентныхъ классахъ общества; въ результатѣ мечты женъ о счастьи внѣ брака, упоительномъ блаженствѣ любви, не навязываемой насильственно, и т. п.

Въ установленіи и дѣятельности государства Мопассанъ не видитъ никакого ума. „Народъ—слабоумное стадо, то глупо терпѣливое, то свирѣпо бунтующееся. Ему говорятъ: „забавляйся“—и онъ забавляется. Ему говорятъ: „ступай сражаться съ сосѣдомъ“—и онъ идетъ биться. Ему говорятъ: „вотируй за императора“,—онъ вотируетъ за императора. Потомъ ему скажутъ: „вотируй за республику“, и онъ вотируетъ за республику. Тѣ, которые правятъ, также глупы; но вмѣсто того, чтобы повиноваться людямъ, они повинуются принципамъ, которые могутъ быть лишь глупыми, безплодными и ложными, уже въ силу того, что они принципы, т. е. идеи, которыя признаются за вѣрныя и неизмѣнныя въ этомъ мірѣ, гдѣ нельзя быть увѣрену ни въ чемъ, потому что свѣтъ—иллюзія, потому что шумъ—иллюзія“.

Въ своемъ отрицаніи цивилизаціи Мопассанъ пошелъ еще далѣе Руссо.

Религія—наивность либо фарсъ по Мопассану. Наука и искус-

ство, въ частности поэзія, терпятъ полную неудачу въ своихъ усиліяхъ перешагнуть разъ оказавшіеся неодолимыми предѣлы. Мысль человека, „достигнувъ опредѣленныхъ, ближайшихъ, непереступаемыхъ границъ, кружится какъ лошадь въ циркѣ, какъ муха въ закупоренной бутылкѣ, летающая, пока не коснется стѣнокъ, о которыя неминуемо стучается“. Прогресса, слѣдовательно, нѣтъ. Равнымъ образомъ, и искусство послѣ нѣсколькихъ мастерскихъ созданій однообразно повторяетъ становящіеся скучными сюжеты.

Отсюда вытекаетъ, что въ сложной драмѣ сталкивающихся и переплетающихся страстей, интересовъ и инстинктовъ, какую представляетъ жизнь въ обществѣ, полное счастье невозможно; религія, наука и искусство не могутъ ничего подѣлать и бессильны доставить намъ истинное утѣшеніе.

Если и можетъ человекъ достигнуть сколько-нибудь продолжительнаго счастья, то—лишь вдали отъ общества съ его культурою,—въ уединенной жизни четы, счастливой своею любовью въ своей ограниченности и не знающей высшихъ интересовъ и идеаловъ.

Любовь доставляетъ однѣ изъ лучшихъ радостей въ жизни. Она внушается самой природой, и влеченіе къ ней достигаетъ чарующей прелести въ ensembl-ѣ съ подобнымъ же настроеніемъ и нѣгой въ окружающей природѣ, напр., во время лѣтней лунной ночи, при пѣніи соловья и т. п.

На ряду съ любовію украшаетъ жизнь созерцаніе прекрасной природы. Въ восхищеніи послѣднею Мопассанъ вновь роднится съ Руссо, а также съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ поэтовъ—пессимистовъ. Природа, „полная таинственности“, волнуетъ человека сладостнымъ чувствомъ и мечтами. Начиная съ „Le Mur“ Мопассанъ не разъ рисовалъ картины прекрасной лунной ночи, пробуждающей въ душѣ радостную тревогу, и говорилъ о воздѣйствіи чудныхъ ландшафтовъ на усталую душу. Онъ постоянно помѣщалъ дѣйствіе своихъ повѣствованій въ обстановку того или иного пейзажа, какъ бы устанавливая соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ.

Одиночество, которое рекомендовалъ Шопенгауэръ, казалось иногда невыносимымъ Мопассану, но въ другіе моменты онъ искалъ его, утомленный жалкою суетнею Парижской жизни. Вспомнимъ начало „La vie errante“, описаніе того, что поэтъ чувствовалъ при видѣ Эйфелевой башни и всей суетни, окружавшей ее.

Отъ извращенія цивилизаціи, претившаго поэту, онъ любилъ уда-

латься на лоно природы, преимущественно на море. Очаровательное Средиземно-морское побережье, дико-прекрасная природа Корсики и Алжира, волны безбрежного моря убаюкивали изстрадавшуюся душу Мопассана, и онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ плавалъ по морю вдоль береговъ южной Франціи, западной Италіи, Алжира.

Итакъ, природа и любовь—вотъ источники немногихъ истинныхъ радостей человѣка. Къ нимъ сводилъ всю оставшуюся еще ему нѣкогда отраду Вертеръ; къ такой же концепціи пришелъ и нашъ Лермонтовъ, съ которымъ можно открыть много сходства въ Мопассанѣ, а также и нѣкоторые другіе поэты скорби существованія.

Что до мысли, то, „за неимѣніемъ лучшаго, все-таки отрадно мыслить, живя въ одиночествѣ“, говоритъ Мопассанъ,—опять приближаясь къ идеѣ, напоминающей воззрѣнія Лермонтова и его Печорина.

Вообще жизнь печальна. Даже въ одной изъ лучшихъ ея радостей—любви—бываетъ такъ мало продолжительности. Личность никогда не бываетъ вполне понята другими и всегда является одинокою, даже въ моменты любви, когда связь основывается на „l'affinité des chairs“ (на родствѣ тѣлѣ), даже въ своей семьѣ (ср. *Bel Ami* и смерть Ивана Ильича). Но суэта жизни отвлекаетъ людей отъ памятованія объ ея концѣ. Въ годы молодости, когда все еще ново и неизвѣдано, ускользаетъ отъ вниманія этотъ ужасный конецъ и вся неизмѣнно однообразная пошлость нашего существованія. Позднѣе она начинаетъ постоянно бросаться въ глаза мыслящему человѣку.

Повидимому, и для Мопассана однообразіе и бѣдность нашей жизни стали подъ конецъ источникомъ истинныхъ и невыносимыхъ страданій. За три года до прекращенія своей литературной дѣятельности Мопассанъ еще разъ—только выразительнѣе прежняго—повторилъ то, что говорилъ и ранѣе.

Онъ писалъ: „Все доказываетъ, что люди были выброшены въ этотъ міръ такими ничтожными единственно для того, чтобы пить, ѣсть, производить дѣтей и шансонетки и для забавы убивать другъ друга.

„Счастливы тѣ, кого жизнь удовлетворяетъ, которые веселятся и довольны.

„Есть люди, которые все любятъ, всѣмъ восхищаются. Они любятъ солнце и дождь, снѣгъ и туманъ, шумные праздники и домашнюю тишину, любятъ все, что видятъ, что дѣлаютъ, что говорятъ, что слышатъ. Одни изъ нихъ ведутъ тихую, скромную, довольную жизнь среди своихъ семей, другіе веселятся и развлекаются. Ни тѣ, ни дру-

гіе не скучаютъ. Жизнь для нихъ—забавное зрѣлище, въ которомъ они-же и актеры,—вещь хорошая и вѣчно измѣняющаяся. Она не удивляетъ ихъ, но восхищаетъ.

„Но есть люди, которые, охвативъ молніеносною мыслью узкій кругозоръ возможныхъ наслажденій, поражаются ничтожествомъ нашего счастья, однообразіемъ и бѣдностью земныхъ радостей. Въ тридцать лѣтъ для нихъ все уже кончено. Чего имъ еще ждать впереди? Ничто ихъ не развлекаетъ, они извѣдали весь кругъ нашихъ жалкихъ удовольствій.

„Счастливы тѣ, кому незнакомо страшное омерзѣніе къ однимъ и тѣмъ-же неизмѣнно повторяющимся дѣламъ, счастливы тѣ, у кого хватаетъ силъ ежедневно приниматься за тѣ же заботы, съ тѣми-же приемами, при той же обстановкѣ, передъ тѣмъ-же горизонтомъ, подъ тѣмъ-же небомъ, разгуливая по тѣмъ-же улицамъ и встрѣчая все тѣхъ-же людей и животныхъ. Счастливы тѣ, которые не замѣчаютъ, съ страшнымъ отвращеніемъ, что ничто не измѣняется, ничто не исчезаетъ, и все утомляетъ. Только при такомъ тяжеломъ, замкнутомъ, нетребовательномъ умѣ, какъ нашъ, люди могутъ удовлетворяться существующимъ. Удивительно, какъ человѣчество еще до сихъ поръ не крикнуло: „Опустите занавѣсъ!“ и не потребовало слѣдующаго акта съ другими дѣйствующими лицами—не людьми,—съ существами другой формы, съ другими растеніями, другими планетами, другими приключеніями?“

Эти въ высшей степени скорбныя строки свидѣтельствуютъ, какъ нельзя лучше, сколь мучительнымъ сталъ для Мопассана пессимизмъ его послѣднихъ лѣтъ. Жизнь ради жизни болѣе не радовала его.

Итакъ, начавъ веселой, а по временамъ и грустной, насмѣшкой надъ несправедливостями, нелѣпостями и пошлостями жизни, Мопассанъ подъ конецъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ радостей существованія, проникался горечью и впадалъ въ меланхолію.

Онъ и собственнымъ примѣромъ, какъ нельзя ужаснѣе, иллюстрировалъ тотъ, съ грустью отмѣчаемый имъ, роковой законъ жизни, которому подпадаетъ все живущее, законъ ветшанія индивидовъ, особенно тягостный и страшный для людей, ставящихъ центральнымъ интересомъ жизни культъ плоти. Самъ Мопассанъ художественно изобразилъ страхъ, внушаемый приближеніемъ смерти, въ романѣ „Fort comme la mort“. Параллельно тому ранѣе Мопассанъ превосходно проанализовалъ не внѣшнее, а внутреннее увяданіе и послѣдовательную утрату человѣческой душой ея листьевъ и цвѣтовъ по мѣрѣ приближе-

вія личности къ осени и зимней смерти жизни: постепенно, цѣлымъ рядомъ печальныхъ опытовъ личность отрѣшается отъ очарованій и надеждъ молодости и все болѣе и болѣе смыкаетъ кругъ своихъ свѣтлыхъ упованій. Такой общій процессъ, совершающійся въ жизни каждой личности, переносящей цѣлый рядъ невзгодъ и ударовъ судьбы, Мопассанъ прослѣдилъ съ замѣчательною теплотою и художественностью въ романѣ „Une vie“ — въ жизни женщины, которая становится какъ бы типическою представительницею.

Мопассанъ покончилъ не такъ, какъ его романическая Жанна, у которой осталась хоть какая-нибудь еще отрада въ жизни въ лицѣ ея внука.

Его кругозоръ, стремленія, а вмѣстѣ и страданія его пылкой и крайне впечатлительной души были неизмѣримо глубже и ужаснѣе, чѣмъ горе обыкновенныхъ людей, а потому и исходъ былъ иной.

Подвергнувъ анализу послѣднія произведенія Мопассана, можно, кажется, открыть истинную — внутреннюю — причину постигшей его страшной катастрофы сумасшествія наряду съ извѣстными намъ причинами чисто физическими — наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, усталостію отъ крайняго напряженія въ трудѣ и т. п.

Съ одной стороны, знаніе представлялось Мопассану, согласно съ теоріей Тэна, которой онъ слѣдовалъ, возможнымъ постольку, поскольку могутъ намъ доставить его наши чувства, и соотвѣтственно тому единственно возможными казались матеріализмъ и пессимизмъ, который и былъ сконцентрированъ съ особою силою и уже прямо теоретически въ „Sur l'eau“. А съ другой стороны, Мопассана начала все болѣе и болѣе влечь къ себѣ область таинственнаго (см., напр., Le Hogla), занимавшая его уже и въ началѣ его литературной дѣятельности. Натурализмъ оказался бессильнымъ въ объясненіи явленій жизни.

Будучи подавляемъ этимъ противорѣчіемъ, Мопассанъ, повидимому, развилъ въ себѣ крайнюю нервность и впечатлительность, доходившія въ концѣ до болѣзненности, ту впечатлительность, въ которой онъ усматривалъ необходимую принадлежность истиннаго поэта (См. La vie errante).

Мопассанъ повернулъ въ сторону такъ называемаго декадентства, не удовлетворяющагося натурализмомъ и стремящагося уловить въ міровой жизни то, чего не замѣчаетъ обыкновенный смертный; Мопассанъ цитировалъ теперь Бодлэра, начинателя французскаго декадентства, и, такимъ образомъ, въ Мопассанѣ можно наблюдать и этотъ интересный

переливъ въ современной жизни и поэзи, распространившійся широко и за предѣлами Франціи. Задачу поэзи Мопассанъ отождествлялъ теперь не съ простымъ реализмомъ, какъ прежде, а съ попытками проникать въ область таинственнаго, неотвратимо манящаго къ себѣ.

То былъ уже не прежній Мопассанъ, отзывавшійся такъ долго съ насмѣшкой, а иногда даже съ прямымъ кощунствомъ, о вѣрѣ, ея установленіяхъ и обрядахъ. Онъ упоминалъ теперь не безъ уваженія о Христѣ. Поэтъ плоти и ея инстинктовъ, какимъ по преимуществу былъ Мопассанъ въ началѣ своей дѣятельности, сталъ подъ конецъ поэтомъ и болѣе возвышенныхъ порывовъ, признавшимъ и силу и права послѣднихъ.

Противорѣчія были крайне велики и страшно удручали. „Тайна жизни“, выразился Мопассанъ въ „Sur l'eau“, составляетъ нашу страшную муку, и эта-то мука главнымъ образомъ и сразила его. Мопассанъ былъ, повидимому, на пути къ выходу изъ нея, но все-таки не нашелъ этого выхода. Потому онъ такъ и остался провозвѣстникомъ пессимизма, далѣе котораго рѣдко кто шелъ изъ поэтовъ того направленія, въ груди которыхъ билось сердце, не лишенное отзывчивости къ прекрасному и доброму въ мірѣ.

Ознакомившись съ міровоззрѣніемъ Мопассана, намъ нечего уже останавливаться на другихъ современныхъ представителяхъ натуралистическаго пессимизма въ поэзи, напр. на Лоти, который можетъ быть названъ Бернардемомъ де-Сенъ-Пьеръ XIX в., съ тѣмъ различіемъ, что не одна Виргинія, а многія являются предметомъ его поэзи. Нѣтъ надобности касаться также романистовъ, для которыхъ не такъ трудно было свернуть съ дороги настоящаго пессимизма, каковы Бурже и Эдуардъ Родъ. Послѣдняго можно признать однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ настоящее время выразителей поворота во французской литературѣ въ сторону признанія нравственнаго долга. Этотъ „благородный пессимистъ, ищущій въ своемъ несчастіи несчастія другихъ, но не обманывающій себя касательно практической важности своего альтруизма“, приходитъ какъ будто къ выводу, что „лучшій способъ принимать и понимать жизнь—не искать въ ней счастья, но исполнять обязанности, даже если при этомъ не достигнемъ полного оправданія для себя высшей ихъ разумности“.

IV. Перейдемъ къ выводамъ изъ всего сказаннаго о развитіи пессимизма въ новоевропейской поэзи и затѣмъ къ оцѣнкѣ его, съ его же точки зрѣнія, на основаніи допущенныхъ имъ недомолвокъ и

присущихъ ему противорѣчій.

Пессимизмъ былъ прежде всего мрачнымъ настроеніемъ отдѣльныхъ личностей Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, когда онъ сталъ массовымъ теченіемъ, онъ подтверждаетъ наблюденіе въ родѣ высказаннаго Мопассаномъ: „негодование, какъ и все остальное, зависитъ отъ окружающей сферы“.

Исходнымъ пунктомъ новоевропейскаго пессимизма была Англія XVII и XVIII вв. съ выдвинутыми ею начатками натурализма, особаго отношенія и любви къ природѣ ради нея самой, меланхолическаго сѣтованія и т. п. Особо благопріятную почву для развитія мрачнаго міровоззрѣнія въ будущемъ подготовляла Франція прошлаго вѣка, Франція Вольтера, матеріалистовъ, Crebillon-а сына и другихъ дѣятелей отрицанія и расшатыванія вѣковыхъ устоевъ, Франція, въ которой извращеніе культуры вызвало реакцію и мрачныя воззрѣнія Руссо на общество. Германія второй половины прошлаго вѣка также восприняла это теченіе въ силу крайне печальнаго состоянія, въ которомъ такъ долго пребывала. Мрачное міровоззрѣніе усилилось въ западно-европейскомъ обществѣ подъ вліяніемъ великихъ потрясеній и неудачъ, испытанныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка. Съ той поры оно непрерывно поддерживалось и достигло особой силы во Франціи послѣ 1870—71 гг.

Мрачное міровоззрѣніе европейскаго Запада прошло нѣсколько стадій въ поэзіи: являясь вначалѣ отдѣльными взрывами личнаго сомнѣнія, негодованія и отрицанія общественности, безъ полнаго устраненія религіозной вѣры, а затѣмъ такъ называемою міровою скорбью, оно стало лишь въ концѣ опредѣленною, отчетливою пессимистическою и вмѣстѣ атеистическою доктриною.

На первыхъ порахъ мрачное міровоззрѣніе Запада носило преимущественно лирическо-субъективный характеръ гордаго и страстнаго протеста противъ золь жизни съ точки зрѣнія интересовъ личности. Таковы вопли негодованія Гэмлета, Мильтонова Сатаны, отчасти Мизантропа, Гётевскихъ Вертера и Прометея и другихъ. Скорбное міросозерцаніе сохраняло лирическо-субъективный характеръ еще въ лирикѣ и лирическихъ поэмахъ Байрона и Альфреда де-Мюссэ. Во второй половинѣ нашего вѣка пессимизмъ достигаетъ уже значительной объективности въ поэзіи въ формѣ романа и становится какъ бы философски-безстрастнымъ созерцаніемъ.

Но какъ прежде, такъ и теперь это мрачное міровоззрѣніе является въ существѣ протестомъ созрѣвшей въ сознаніи своего значенія

и достоинства личности противъ ограниченій, налагаемыхъ на нее ближайшею печальною дѣйствительностію, за которою представляется столь-же печальнымъ и весь строй міровой жизни. Безграничныя стремленія съ одной стороны, а съ другой углубленное наблюденіе, выносимое такою личностію изъ окружающей безотрадной обстановки, при потрясеніи религіозной вѣры въ разумное міроуправленіе и расшатанности вѣковыхъ устоевъ жизни, какъ то было, напр., въ Англіи XVII в. или во Франціи XVIII и XIX вв., являются однимъ изъ первыхъ источниковъ пессимизма. Міровая скорбь и затѣмъ пессимизмъ были крайнимъ выраженіемъ того индивидуализма, которымъ характеризуется новое, начиная съ эпохи Возрожденія, и преимущественно новѣйшее время, начиная съ Руссо. Скорбное и мрачное міровоззрѣніе развивалось параллельно стремленіямъ и революціоннымъ порывамъ европейскаго человѣчества преобразовать печальную дѣйствительность и параллельно все большому и большому осужденію послѣдней, согласно съ вѣрою въ исключительную разумность внутренняго міра, къ которому долженъ приспособляться неразумный внѣшній міръ.

Кромѣ жизни, окружающей личность, послѣднюю приводили къ мрачному міровоззрѣнію и чисто личныя, но обобщенныя неудачи въ тѣхъ или иныхъ идеалистическихъ порывахъ, мучительное томленіе непостижимостію тайны жизни, безотрадное и жгучее сомнѣніе, ужасающее сознаніе своего душевнаго раздвоенія, при отсутствіи возможности найти опору и успокоеніе извнѣ для своей мысли.

Подспорьемъ поэтическаго пессимизма являлись соотвѣтственныя литературныя воздѣйствія и философскія системы того-же пошиба, какъ древнія (напримѣръ, Эпикурова въ изложеніи Люкреція), такъ и новыя, начиная съ англійскаго и французскаго натурализма и матеріализма и оканчивая ученіемъ Шопенгауэра. Достопримѣчательно, что обстоятельное философское развитіе и формулировка западно-европейскаго пессимизма явились только въ нашемъ столѣтіи. Гораздо большее значеніе имѣли открытія и выводы новѣйшей науки. Для многихъ эти выводы казались безотрадными, разрушая вѣру въ личное безсмертіе. Тѣмъ тягостнѣе становилась тогда мысль о смерти, столь удручающая многихъ пессимистовъ и служившая для иныхъ исходнымъ пунктомъ всего скорбнаго и мрачнаго созерцанія, предметомъ постояннаго негодованія.

Выхода изъ такихъ бурныхъ и мрачныхъ началъ, пессимистическое міровоззрѣніе не только не даетъ истиннаго счастья и покоя, ово

не приносить даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ руководящихъ началъ для жизни, особливо для жизни въ обществѣ, и остается безотвѣтнымъ передъ вопросомъ: въ какое же стать отношеніе къ жизни? Вѣдь руководиться стремленіемъ къ смерти либо эгоизмомъ и однимъ натурализмомъ, или эмпиризмомъ, невозможно: въ томъ убѣжда-
етъ на каждомъ шагѣ какъ современная, такъ и прошлая жизнь чело-
вѣчества.

Поэтому волей-неволей, сознательно, либо безсознательно нѣкоторые поэты міровой скорби, мрачнаго міровоззрѣнія и пессимизма иска-
ли и ищутъ выхода изъ своей скорби и тоски и, носясь въ безбреж-
номъ морѣ отчаянія, страстно простираютъ руки впередъ въ надеждѣ
найти хоть какой-нибудь опорный пунктъ послѣ крушенія.

Философскій пессимизмъ усматриваетъ въ стремленіи къ смерти
лучшій выходъ изъ тягостей и бѣдъ жизни. Пессимизмъ въ поэзи не
всегда рекомендуетъ, какъ Люкрецій, состояніе индифферентности, либо,
какъ-то дѣлаетъ Леконтъ де-Лиль, буддійскую нирвану; онъ предста-
вляетъ иногда какъ бы коррективъ къ пессимизму метафизическому.
Онъ становится, въ концѣ концовъ, не столь одностороннимъ созер-
цаніемъ жизни и не закрываетъ пути къ болѣе свѣтлому взгляду
на нее.

Даже иные изъ настоящихъ, повидимому, холодно и безстрастно
созерцающихъ, пессимистовъ сворачиваютъ съ прямой линіи своей
безнадежности. Видно, теорія о стихійности жизни и о безропотномъ
слѣдованіи естественнымъ влеченіямъ и инстинктамъ по примѣру
остальныхъ живыхъ существъ, теорія о томъ, что людямъ нечего стре-
миться къ святости и играть роль героевъ, не приноситъ никакого
успокоенія. Не удовлетворяясь этой теоріей, Бурже направился къ
такъ-назыв. нео-католицизму, Лоти обратился къ мечтамъ объ идил-
лическомъ счастіи, къ иллюзіямъ простоты и наивности. Даже такой
ультра-натуралистъ и пессимистъ, какъ Золя, не разстался съ вѣрою
въ силу науки и въ лучшее будущее. И на перепутьи, какъ мы видѣли,
очутился въ концѣ и Мопассанъ. Выходы изъ пессимизма оказыва-
ются, слѣдовательно, различные, но важно, что ихъ ищутъ и находятъ.

Наиболѣе мраченъ тотъ пессимизмъ, который извѣрился даже въ
наукѣ, лучшей послѣ религіознаго чувства и нравственныхъ началъ
опорѣ чистой челоуѣчности. Онъ нашелъ косвенную поддержку на
дняхъ на страницахъ „Revue des Deux Mondes“, гдѣ Брюнетьеръ
послѣ визита въ Римъ заявилъ, что наука не сдержала своихъ обѣ-
5

щаній. Но не лишено значенія, что все-таки опираются на науку, либо отъ нея отправляются и самые мрачные изъ пессимистовъ: Золя — физиологъ и патологъ, Леконтъ де-Лиль, Сюлли Прюдонъ стоятъ на почвѣ эрудиціи, м-ше Аккерманнъ жаждала знанія, Бурже — психологъ, Гюи де-Мопассанъ въ сущности также придерживался нѣкоторыхъ современныхъ научныхъ взглядовъ на человѣка. Да и въ самомъ-ли дѣлѣ полонъ безнадежности и тотъ поэтическій, крайній повидимому, пессимизмъ, который не возлагаетъ надеждъ даже на науку? Своею собственною дѣятельностью поэты пессимизма какъ-бы противорѣчатъ послѣднему. Величаво спокойный Леконтъ де-Лиль художественно отдѣлывалъ свои стихотворенія, полныя глубочайшей скорби. Мопассанъ, пронизовавшій даже надъ мыслью и творчествомъ, самъ однако трудился до конца жизни, оставаясь до конца человѣкомъ непреклонной воли, терпѣливаго, неустаннаго труда. Можно было-бы привести и другіе примѣры такой непослѣдовательности поэтовъ и философовъ пессимизма. Она для насъ дорога, между прочимъ, и потому, что въ ней сказывается хотя-бы инстинктивная вѣра въ великую силу и значеніе разумнаго литературнаго слова, а слѣдовательно и просвѣщенія и, чрезъ послѣднее — науки, вѣра, наводящая на истинный путь. Въ связи съ этимъ характерно, что въ то время какъ одни пессимисты преподаютъ вслѣдъ за стоиками и эпикурейцами совѣтъ: „терпи и воздержись“, изъ устъ другихъ слышимъ призывъ къ энергической дѣятельности во имя, между прочимъ, общаго блага и любви къ человѣчеству, призывъ къ работѣ надъ устраненіемъ золъ, удручающихъ наше существованіе. Будемъ трудиться не разсуждая, говорилось въ знаменитой Вольтеровой повѣсти о Кандидѣ. Такой-же въ сущности призывъ слышимъ въ заключеніи Фауста Гёте и въ послѣднемъ письмѣ героя повѣсти Тургенева „Фаустъ“. Къ труду приглашаетъ Золя, какъ и Ибсенъ въ своей новѣйшей пьесѣ: „Маленькій Эйольфъ“. „Человѣчество выше личности“, какъ будто хочетъ сказать Ибсенъ въ этой драмѣ. Къ пожертвованію нашимъ индивидуализмомъ во имя альтруизма склоняютъ въ существѣ и буддѣйская отчасти система Шопенгауэра, и даже утилитаризмъ Конта, Милля или Джорджа Эліота, и социализмъ, и мистицизмъ Л. Н. Толстого.

Подобные призывы не противорѣчатъ умѣренному поэтическому пессимизму, который не можетъ дойти до вполне холоднаго созерцанія горестей жизни и отрѣшиться отъ любви къ человѣчеству и отъ признанія нѣкоторыхъ свѣтлыхъ задатковъ въ его жизни.

Сосредоточивая вниманіе на бѣдствіяхъ жизни, пессимизмъ, даже натуралистическій, задающійся вполне объективнымъ изображеніемъ жизни, но часто не выдерживающій роли холоднаго наблюдателя, внушаетъ неизбежно состраданіе къ человѣчеству, несчастному не по своей только винѣ: высшій пессимизмъ—не мизантропія. Состраданіе же вызываетъ къ дѣятельности вспоможенія. Такимъ образомъ, изученіе отраженія безотрадной дѣйствительности въ пессимистической поэзіи побуждаетъ послѣ удрученія, которое приходится испытывать, вновь собираться съ энергіей ради лучшаго будущаго.

Не зависящія отъ насъ физическія условія нашего существованія и проистекающія изъ нихъ бѣды не отвратимы вполне. Но не таково указываемое пессимизмомъ зло, коренящееся въ насъ самихъ: на многіе изъ естественныхъ задатковъ человѣческой натуры возможно вліять, перерабатывая, совершенствуя и направляя ихъ къ высшимъ цѣлямъ, какъ пособляютъ въ иныхъ случаяхъ и природѣ, подчиняя ее своимъ намѣреніямъ.

Натуралистическій пессимизмъ, на ряду съ прославленіемъ слѣдованія инстинктамъ природы, прямо или косвенно показываетъ и губительные результаты, къ которымъ приводитъ необработанность и разнузданность этой природы, являющаяся источникомъ зла въ насъ самихъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ человѣческой натурѣ, столь слабой и несовершенной, поэтической пессимизмъ отмѣчаетъ и иные инстинкты, какъ бы проблески божественнаго огня, въ то же время выказывая ихъ и въ самомъ себѣ, и, такимъ образомъ, самъ опровергаетъ низведеніе человѣка до ступени животнаго (Будемъ ли мы объяснять эти проблески согласно съ Кантомъ, или съ помощію теоріи эволюціи, въ данномъ случаѣ не особенно важно).

И поэтъ скорбнаго міровоззрѣнія проникается въ виду природы восторгомъ если не всегда, то хотя по временамъ. Пренебрежительно относясь иногда къ наукѣ, и пессимизмъ не можетъ не признать, что мышленіе доставляетъ человѣку отраду даже среди скорби существованія. И онъ устами Мопассана жалуется на мучительность одиновчества. И онъ отмѣчаетъ удивительный подъемъ духа, вызываемый тѣмъ самымъ чувствомъ любви, которое можетъ и ниспускаться до грубой животности, и восходить почти до небесной высоты, какъ въ „Мечтѣ“ Золя. И пессимизмъ долженъ признать (наприм., въ „Une aventure Parisienne“ Мопассана) то отвращеніе, какое внушаетъ

извѣданный порокъ личности свѣжей и не вполне испорченной. И пессимизмъ можетъ высоко возносить мыслящую личность надъ пошлостью существованія, выставляя на показъ эту пошлость со всей беспощадностью. И онъ признаетъ чувства, обуславливающія семью, и обнаруживаетъ не разъ влеченіе возвратить современнаго человѣка, утомленнаго блужданіями, къ покою и скромнымъ, но незамѣнимымъ, радостямъ семейнаго очага. Даже въ не совсѣмъ чистыхъ увлеченіяхъ человѣка иногда однимъ изъ двигателей является преклоненіе передъ красотою, въ которой есть уже что-то таинственное, что должно бы останавливать на себѣ вниманіе по преимуществу. Въ „Le Horla“ Мопассана и т. п. произведеніяхъ натурализмъ и пессимизмъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ по направленію къ области загадочнаго, конечно, шагъ ужасный, но знаменательный.

Правда, указанія на прекрасные задатки истинной человѣческой природы и на отрадные явленія человѣческой жизни разрознены у поэтовъ пессимизма, дѣлаются мелькомъ и какъ-бы теряются во множествѣ совсѣмъ иныхъ, одностороннихъ картинъ, между тѣмъ какъ вполне здоровая поэзія отводитъ имъ должное мѣсто и признаетъ, что во всякомъ обществѣ въ концѣ концовъ должны брать верхъ добрыя начала жизни, и въ постепенномъ торжествѣ ихъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ и состоитъ прогрессъ общества. Пессимизмъ отрицаетъ то, но и онъ долженъ признать, что намъ присущи любовь къ природѣ, т. е. къ обнаруженію въ ней чего-то, стоящаго за ея внѣшностью, чувство возвышеннаго, божественнаго искра Прометеева огня во влеченіи къ знанію, нравственные задатки въ добрыхъ влеченіяхъ сердца, стремленіе къ общительности, любовь къ прекрасной личности, какъ чувство высшей дружбы и безграничной привязанности, столь простое и въ то-же время столь нѣжное чувство, взаимно связывающее родителей и дѣтей, патриотическое чувство, соединяющее людей одной національности, любовь къ человеку, „откуда-бъ онъ ни былъ“, тонкое пониманіе красоты природы и искусства, влеченіе въ сферу идеала, усматриваніе перспективы таинственнаго и божественнаго. А все это—элементы той „прекрасной души“, о которой грезилі великіе поэты конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, прошедшіе горькую и тяжелую школу пессимизма и возвращавшіеся къ просвѣтленному оптимизму. Если-же такія „прекрасныя души“, совмѣщающія въ себѣ хотя часть высокихъ достоинствъ, существуютъ не въ мечтѣ только, какъ думаетъ Золя, а въ

дѣйствительности, какъ то показываетъ многовѣковая жизнь человѣчества, и если ихъ соединяетъ непрерывно, на протяженіи всей исторіи, внутренній, духовный, союзъ общихъ высшихъ стремленій, то уже не можетъ быть мѣста пессимизму. Души, доброхотно и возвышенно настроенныя, выше стоятъ чисто личныхъ интересовъ и несчастій. Тотъ міръ, въ которомъ существуютъ подобныя личности, уже не неразумень и не заправляется одною слѣпою волею къ жизни. Въ виду того, что и такія личности не избѣгаютъ страданій и общей гибельной участи, можетъ существовать грусть о томъ, что, по выраженію поэта, „таковъ удѣлъ всего прекраснаго на свѣтѣ“. Но, съ другой стороны, возникаетъ тѣмъ съ большею настойчивостію стремленіе противопоставить слѣпой или непонятной силѣ жестокихъ и неумолимыхъ законовъ жизни и ея неправдѣ хотя въ отдѣльные моменты міровой исторіи всю силу высокихъ достоинствъ прекрасной личности, согрѣтой энтузіазмомъ къ добру, находящей высшую радость въ сознательномъ жертвованіи личнымъ счастіемъ общему благу и преуспѣванію человѣчества, въ сознаніи своей высоты надъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ и кажущихся фатальностей, хотя-бы они и подавляли матеріально, и усматривающей одну изъ высшихъ цѣлей нашей дѣятельности—въ борьбѣ съ тьмою непознаннаго, въ расширеніи знанія и въ преодолѣніи неразумнаго въ нашемъ мірѣ высшимъ разумомъ ради торжества высшихъ началъ.

Такая личность на вопросъ:

Wonach soll man am Ende trachten? (Къ чему-же должно, въ концѣ концовъ, стремиться?),—отвѣтитъ вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ-мудрецомъ Гёте:

Die Welt zu kennen und nicht zu verachten (Познавать міръ и не презирать его).

ГПБ Русский фонд

18.269.2.22

1895